«МИР, ПРОГРЕСС, ПРАВА ЧЕЛОВЕКА»
Публикации Музея и общественного центра
имени Андрея Сахарова

**ВЫПУСК 4**

# АЗЕРБАЙДЖАН И РОССИЯ:
# ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

Редактор-составитель Д. Е. Фурман

Москва
2001

ББК 66.3(2Рос)
А35

Ответственный редактор-составитель —
доктор исторических наук Д. Е. Фурман

Фонд Андрея Сахарова (г. Москва) благодарит
Отделение Фонда Сахарова в США
и его президента г-на Эдварда Кляйна
за предоставление средств на подготовку и публикацию книги
и проведение конференции
«Азербайджан и Россия: общества и государства».

**Азербайджан** и Россия: общества и государства / Отв. ред.
А35 и сост. Д. Е. Фурман. — М.: Летний сад, 2001. — 496 с.
ISBN 5-94381-025-0.

Данная книга представляет собой сборник статей западных, азербайджанских и российских авторов. В книге исследуются проблемы политического развития современного Азербайджана. Книга предназначена для широкого круга читателей, интересующихся проблемами развития постсоветских стран.

Книга была представлена на конференции «Азербайджан и Россия: общества и государства», состоявшейся в апреле 2001 г.

**ББК 66.3(2Рос)**

**ISBN 5-94381-025-0**

Дмитрий ФУРМАН, Али АБАСОВ

# АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Цель данной статьи — дать, разумеется, краткий и эскизный, очерк событий, связанных с падением советской власти в Азербайджане, приходом к власти Народного Фронта, его недолгим правлением и его свержением. В совокупности они образуют революционный цикл, аналогичный множеству подобных циклов, совершавшихся в разное время и в разных странах. Но хотя аналогии ему можно найти где угодно — хотя бы и в «классической» французской революции, наибольшие аналогии, естественно — в революционных циклах, происходивших в это время во всех союзных республиках и вместе образующих единый процесс свержения советской власти, распада СССР и создания новых независимых государств. Особенности национальных вариантов этого процесса связаны со множеством факторов, но прежде всего — с особенностями культур, ярко проявившимися после ослабления и затем исчезновения советской внешней унификации.

В начале статьи мы попытаемся отметить наиболее значимые культурные факторы, сказавшиеся, на наш взгляд, на азербайджанском революционном процессе.

## 1. Общая культурная основа

Разумеется, самым важным культурным фактором, влиявшим на политическое поведение азербайджанцев, является ислам. Конечно, не потому, что азербайджанцы — особо религиозный народ. Религия в современную эпоху играет в их жизни значительно меньшую роль, чем в жизни, наверное, большинства мусульманских народов. Но значимость религиозного фактора не связана непосредственно с современным уровнем религиозности. На протяжении веков особенности религий формировали особенности психики и ценностных ориентаций народов, и как русские даже в эпоху советского массового атеизма были народом по своей психологии и глубоким ценностным ориентациям прежде всего православным, так азербайджан-

цы — и верующие, и полуверующие, и неверующие — это прежде всего народ мусульманской культуры.

И азербайджанцам свойственен ряд общих со всеми мусульманскими народами черт, проявившихся, на наш взгляд, в событиях недавней революционной эпохи[1]. Ислам, выработавший общую для мусульман систему религиозного законодательства — шариат, регламентирующий и сакрализующей сферу повседневной жизни и относительно терпимый к внутрирелигиозным различиям, создавал сильнейшую общемусульманскую идентификацию. Одновременно семья, род, локальные общности также имели колоссальное значение, поскольку такое значение имела и вся сфера создающих эти общности повседневных человеческих связей, регламентированных и освящённых самим Богом. При сильной общемусульманской идентификации и сильной идентификации с маленькими семейными, родовыми и локальными общностями, естественно, ослабляется «средний уровень» идентификации — с государством и народом. Отношение к государству (во всяком случае, к государству не сакральному, не халифату) — отношение покорности, но и некоторого безразличия. Султаны и ханы приходят и уходят, а сакральный мир быта, семьи — свят и вечен. Национальные идентичности складываются в мусульманском мире относительно поздно, трудно и под европейским влиянием.

Очень многие очевидные черты жизни постсоветских мусульманских народов прямо связаны с этими особенностями социального влияния ислама. Это — несколько безразличная готовность подчиняться власти, проявившаяся в спокойном, почти «незаметном» падении советской власти (одновременно — при крайней слабости коммунистической идеологии) и легком переходе от нее к авторитарным номенклатурным режимам, внесшим лишь минимальные изменения в предшествующую советскую структуру, уже подвергшуюся традиционалистской переработке, ставшую «своей». Это — очень высокая степень коррупции, имеющая здесь несколько иное значение, иную маркированность, чем, скажем, в России, связанные с силой семейных и клановых связей, когда забота о семье — важнее всего, а не поддержать родственника — грех значительно больший, чем нарушение закона (не закона шариата и не освященного веками обычая, а просто закона, придуманного в Москве). И, поскольку общество разделено на «клановые» и локальные группы, преданность которым — выше преданности государству, и которые, естественно, соперничают друг с другом, это — постоянная угроза анархии, которая всегда может возникнуть при падении авторитарного режима, как это произошло в Таджикистане. Эти черты присутствуют и в азербайджанском обществе, хотя и в своей, неповторимой и очень модифицированной форме.

Очевидно, важнейший фактор, модифицировавший азербайджанское сознание и во многом определивший особенности азербайджанского позднесоветского — постсоветского политического процесса заключается в том, что азербайджанцы дольше, чем любой иной мусульманский народ (кроме татар и башкир), были под прямым управлением европейских колонизаторов (русских) и, соответственно, дольше, чем любой другой народ, испытывали воздействие европейской культуры. К концу прошлого века в Азербайджане складывается своя европейски образованная элита и происходит колоссальная культурная работа по созданию синтеза европейских и традиционных национальных культурных форм и ценностей. И здесь азербайджанцы, вернее, азербайджанская элита[2] оказывается впереди любого другого мусульманского народа (опять-таки, может быть, за исключением татар) и не только в Российской империи, но и во всём мире — первые «мусульманские» современного типа драматургия и опера, первая на территории Российской империи «мусульманская» газета и т. д.

Естественно, что вся эта работа была одновременно работой по построению азербайджанской национальной идентичности по модели идентичности европейских народов. Здесь эволюция шла от идей панисламизма к доминированию идей тюркской общности, единого тюркского народа[3], а затем к осознанию себя особым народом — азербайджанскими тюрками или азербайджанцами. Ясно, что становление национального самосознания — это в то же время становление идеи национальной независимости. Высшей точкой этого процесса было провозглашение в 1918 году первой республики в мусульманском мире — Азербайджанской Демократической Республики, которая одновременно была первым «несомненно» национальным государством в азербайджанской истории. Этому, пытавшемуся соединить идеалы демократии с тюркским азербайджанским национализмом и исламом[4], государству не суждена была долгая жизнь. В 1920 году оно было уничтожено большевиками. Мы не знаем, что бы из него получилось в конце концов, насколько либеральная верхушка азербайджанского общества того времени смогла бы сохранить своё влияние в традиционалистских массах и привить этим массам свои ценности[5]. Но как рано умершая девушка остаётся юной и прекрасной, так и первое независимое азербайджанское государство осталось в исторической памяти демократическим. И может быть, именно своей ранней смертью оно соединило в сознании современных азербайджанских интеллигентов, естественно ориентирующихся на него и вообще на период расцвета культуры начала века, национализм и либеральные «западнические» ценности[6]. Если сейчас азербайджанец хочет указать, что является предметом его национальной гордости, в чём Азербайджан — лучше всех и впереди всех, он обязательно укажет на культурные и политические события начала века, которые все имеют

определённую «идеологическую окраску», все свидетельствуют о попытке азербайджанской элиты того времени соединить либеральные идеи и ценности с мусульманской и тюркской «почвой»[7]. Естественно, это не могло не придать специфический характер любым, возникавшим позже, уже к концу советского периода, идеям национальной независимости.

## 2. Создание условий для революции

Уничтожив АДР, большевики создали затем АзССР, в некотором роде «закрепив», хотя, естественно, и выхолостив мусаватистскую идею азербайджанской нации и азербайджанской государственности (точно так же, как это произошло с идеями украинской, белорусской и других наций и государственностей). Была создана форма, вначале — совершенно «пустая», но к концу советской власти всё более наполнявшаяся реальным содержанием. И это наполнение формы содержанием одновременно было процессом, ведшим, вместе с аналогичными процессами в других республиках, к дезинтеграции СССР.

Как в Российской империи процесс создания необходимого для колониального управления слоя европейски образованной «туземной» интеллигенции неизбежно вёл к зарождению в её среде национализма, так в советскую эпоху создание национальной коммунистической бюрократии в конечном счёте приводило к тому, что возникали объективные предпосылки для независимости и в какой-то мере — стремление к независимости.

Вначале большевики не имеют опоры в азербайджанском обществе и не доверяют азербайджанцам. В 20-е годы в управлении Азербайджаном полностью доминируют русские, армяне, евреи[8]. Но в 1933 году наступает переломный момент — первым секретарём ЦК впервые назначается азербайджанец, «азербайджанский Берия» — Мирджафар Багиров, и после него до конца советской власти линия первых секретарей-азербайджанцев уже не прерывается[9].

Постепенно азербайджанцы вытесняют не-азербайджанцев с командных бюрократических постов, бюрократия становится, несмотря на русских вторых секретарей, преимущественно азербайджанской, и из неё даже выходит первый азербайджанец — член Политбюро Гейдар Алиев. Однако всё же Азербайджан в этом отношении отставал от других республик, прежде всего — соседних Армении и Грузии, и процент русских и армян в бюрократии до самого конца оставался значительно выше, чем их удельный вес в населении[10].

Аналогичные процессы идут и в интеллигентской элите — она, с одной стороны, достигает внушительных размеров[11], с другой — становится всё более национальной азербайджанской[12].

Эти процессы подготавливали социальную базу для последующего движения за независимость (рост культуры и интеллигентного слоя не мог не вести к тому, что окостеневающая коммунистическая идеология воспринимается всерьёз всё меньше и меньше, создание мощных национальных элит, которые могут править страной без Москвы, не может не породить стремления от Москвы избавиться, повысив тем самым свой статус). Однако целый ряд культурных факторов действовал в противоположном направлении.

Прежде всего, это — коррупция, разъедающая азербайджанскую элиту и мешавшая ей выполнить ту национально-консолидирующую роль, которую играла элита в ряде других республик, прежде всего — в Прибалтике. Мы уже говорили, что коррупция в мусульманских республиках СССР имела несколько иное значение, чем в России, она была более связана с ценностями семьи, клана, общего происхождения, была менее «аморальной» и менее осуждалась обществом. В Азербайджане общество скорее осудило бы человека, который занял крупный пост и отказывается помочь, скажем, молодому парнишке из его деревни или дальнему родственнику, или человека, не способного «на должном уровне» принять друзей или содержать семью, чем того, кто ради этого преступал законы[13]. В книге И. Земцова, работавшего в аппарате Г. Алиева, раскрывается немыслимая картина коррупции при Ахундове, когда практически открыто продавались все должности и звания — академиков, секретарей райкомов, министров[14]. Фактическая приватизация азербайджанской экономики и власти системой номенклатурных кланов в конце концов вынудила Москву снять Ахундова и поставить во главе Азербайджана бывшего руководителя республиканского КГБ «сильного человека» Гейдара Алиева. Алиеву даётся «карт-бланш», и он производит колоссальную чистку коррумпированной номенклатуры[15]. Но при этом в полном соответствии с азербайджанской «системой ценностей» он заполняет все освободившиеся места своими родственниками, родственниками родственников и нахичеванскими земляками, «нахичеванским кланом». Несколько беспорядочная «приватизация» Азербайджана при Ахундове сменяется системой тотального господства одной клановой группировки. Вот какую картину положения дел при первом правлении теперешнего азербайджанского президента даёт в своей статье «Час откровения» азербайджанский писатель Чингиз Абдуллаев: «В условиях нашей республики местничество приобрело особенно откровенный и издевательский характер. В конце семидесятых правительственными дачами в Загульбе распоряжались несколько родственных кланов, поскольку все члены правительства и ответственные работники ЦК были родственниками друг друга. Сквозь такую круговую оборону было нелегко пробиться. В лучшем случае это удавалось сделать за счёт удачной женитьбы... Страшное

в условиях Азербайджана „харалысан?“ — „откуда ты родом?“ — разобщало нацию... Липко-грязное слово „взятка“ мы заменили на „хормет“ — „уважение“ и начали уважать друг друга»[16].

Другим (но взаимосвязанным) фактором, снижающим «национальный потенциал» азербайджанской элиты, была русификация. Советская власть в Азербайджане, как и в других национальных республиках, влияла на становление национального самосознания очень сложным и противоречивым образом. С одной стороны, она закрепила идею азербайджанской нации и даже культивировала в высшей степени ущербный азербайджанский патриотизм. (Ущербный — поскольку азербайджанская культура сознательно отрывалась от её исторических корней: атеизмом, заменой арабской графики латиницей, а затем и кириллицей, запретом на нормальное изучение мусаватистского периода, и от культуры иранских азербайджанцев и родственных народов — иранцев и турок, и поскольку любые проявления патриотизма должны были сопровождаться клятвами в дружбе и верности русскому «старшему брату».) С другой стороны, шла отчасти спонтанная, отчасти — искусственная русификация. Характерно, что она достигает особо больших размеров именно в тот период, когда азербайджанская бюрократия окончательно приходит к власти на всех уровнях, вытесняя неазербайджанцев. Именно в 60—70-е годы число русскоязычных школ в становящемся всё более азербайджанским по национальному составу Баку превысило число школ азербайджанских, а интеллигенция и бюрократия отдают детей преимущественно в русские школы[17].

Ясно, что такая элита, возникшая в громадной мере коррупционным путём (и соответственно — профессионально не уверенная в себе), разъединённая клановостью и местничеством, пронизанная коррупцией и в значительной мере — русифицированная, не могла сыграть роль, аналогичную, скажем, прибалтийским элитам. Для многих её представителей Азербайджан вне СССР означал просто катастрофу. Без учёта этого мы не поймём события в Азербайджане в «революционные годы», когда бюрократия и статусная интеллигенция не смогли возглавить или даже примкнуть к национальному движению, возглавлявшемуся низовой и молодой интеллигенцией.

Ещё одна особенность азербайджанского общества, без учёта которой нельзя понять специфику азербайджанской революции, — это характер культуры народных масс.

Несмотря на то, что Азербайджан за годы советской власти сформировал внушительную по размерам (если не по качеству) интеллигентскую элиту, культура народных масс в значительной мере оставалась традиционной. В какой-то степени это можно видеть по статистике рождаемости и роста населения. В 1989 году по сравнению с 1959 годом количество

азербайджанцев выросло в СССР в 2, 3 раза. По этим показателям азербайджанцы шли сразу же за таджиками (3 раза), узбеками (2,8), туркменами (2,7) и киргизами (2,5) и впереди казахов (2,2), мы уже не говорим об армянах, грузинах, русских, украинцах и др.[18] Этот рост — абсолютно «не европейский» и показатель значительного традиционализма культуры, ориентации на большую семью, меньшего индивидуализма. И это — показатель того, что реальная культура азербайджанской массы значительно ближе к культуре среднеазиатских народов, чем к культуре азербайджанских соседей — армян и грузин или к русской культуре.

Такая культура по преимуществу — культура бедности. И бедность азербайджанской массы — резко выше российской. На 100 городских семей в Азербайджане к перестроечному времени приходится 35 цветных телевизоров, в России —50, холодильников — 91 в Азербайджане и 98 в России, стиральных машин — 45 и 82, пылесосов — 8 и 31. На 100 сельских семей в Азербайджане — 5 цветных телевизоров, в России — 11, холодильников — 81 и 87, стиральных машин — 23 и 81, пылесосов — 8 и 31. На 10 000 населения — 106 больничных коек, в России — 126, 40 врачей, в России — 48[19]. В стране — колоссальная безработица, в некоторых районах — до 60 процентов, из которых 66 — лица до 30 лет[20]. Громадный поток азербайджанцев устремляется в Россию, становясь неквалифицированными рабочими — «лимитчиками» и постепенно заполняя российские рынки.

Очень разобщённая, коррумпированная и русифицированная элита и в значительной мере традиционалистский народ — не идеальное сочетание для общенационального движения за независимое государство.

Таким образом, хотя процессы, шедшие в Азербайджане, также подготавливали азербайджанскую независимость, как и процессы в других республиках, особенности культуры их модифицировали, и в целом уровень подготовленности к движению за независимость и демократию был, очевидно, ниже, чем в других европейских республиках Союза. Несмотря на свой культурный «порыв» начала века (вопреки цензуре, сделавшей запретными многие важнейшие имена, всё же оказывавший влияние на советских азербайджанцев) и в какой-то мере присутствующую в азербайджанском сознании и культивируемую немногочисленными диссидентами и полудиссидентами типа будущего президента Абульфаза Эльчибея (в те времена ещё Абульфаза Алиева) память о первой республике на Востоке, Азербайджан всё же был не так уж далёк по своим культурно-социальным основам от среднеазиатских советских республик. Память о прошлом могла модифицировать «среднеазиатский» путь — «вялого», без особого энтузиазма и без реального движения за независимость народных масс выхода из СССР при полном сохранении власти в руках старой элиты, — придать ему специфическую, более «европеистскую» окраску. Но то, что на самом деле

произошло в Азербайджане — мощное народное движение, свержение старой власти по «классическому» революционному сценарию и победа революционного национал-демократического движения, идеология которого в громадной мере повторяла идеологию АДР, непредставимо без воздействия мощного внешнего фактора.

## 3. Армянский катализатор. Везиров. Создание Народного Фронта

В революционную эпоху Азербайджан вступил, пробуждённый от «спячки» мощным толчком извне — от армян[21], вектор национализма которых, в силу понятных историко-культурных причин, был направлен не столько против России и за независимость, сколько против турок и азербайджанцев.

20.02.1988 года армянское большинство Облсовета НКАО (Народно-Карабахская автономная область) принимает резолюцию с требованиями передачи НКАО Армении, что сразу же поддерживается подавляющим большинством армянского общества и в Армении, и в диаспоре, и становится «национальной идеей» армян. Для подавляющего большинства азербайджанцев это было неожиданным током, громом среди ясного неба. 27—29.02.1988 года за этим последовал новый шок — сумгаитский погром.

Сумгаит — первое из серии страшных событий современной азербайджанской истории, разобраться в которой практически невозможно, ибо в пронизанном неформальными «мафиозными» связями и коррупцией обществе политика в громадной мере реально делается тайными силами, сговорами и провокациями и еще больше — интерпретируется через тайные силы, сговоры и провокации. Если добавить к этому стремление Москвы замолчать сумгаитские события, чтобы «успокоить» общество, стремление армян максимально их раздуть, изобразив продолжением геноцида 1915 года, а азербайджанцев — свалить все на армянскую провокацию, раздув таинственную роль одного из самых активных погромщиков — сумгаитского рабочего-уголовника Э. Григоряна[22], мы должны будем признать, что правдивая картина сумгаитских событий вряд ли когда-нибудь будет восстановлена. Но ясно, что в Сумгаите взорвалась (сама ли взорвалась, или кто-то бросил спичку) горючая масса недавно прибывших из деревни и образовавших низы городского общества носителей традиционалистского сознания, приобретающего в городских условиях специфически люмпенски-криминальный оттенок[23]. Эта масса в Азербайджане была усилена начавшими прибывать десятками тысяч беженцами из Армении, крестьянами (в отличие от городского и интеллигентского армянского населения

в Азербайджане азербайджанцы в Армении были в основном крестьяне, появлявшаяся там азербайджанская интеллигенция перебиралась в Азербайджан), лишившимися всего, оказавшимися вдруг в больших городах, не знающими, что делать, дезориентированными и озлобленными[24]. (Позже к ним прибавляются и беженцы из Нагорного Карабаха.)

Но дезориентированность, растерянность, озлобленность, подозрительность и чувство одиночества начинают охватывать в это время не только беженцев из Армении и тёмные городские низы, но и самые широкие слои общества. Азербайджанцы ощущают себя окружёнными со всех сторон, блокированными вездесущими армянами, диктующими свою волю чуть ли всему миру[25]. Они чувствуют, что не могут пробиться к центральным средствам массовой информации, сочувствуюшим, как и вся российская либеральная интеллигенция, армянам («маленький христианский народ, переживший, как и евреи, геноцид и мужественно бросивший вызов тёмным погромщикам — мусульманам») и создающим совершенно фантастическую картину угрозы исламского фундаментализма в Азербайджане[26].

Они видят, что Горбачёв занимает колеблющуюся, неопределённую позицию, и, естественно, объясняют это влиянием армянских советников. Все эти ощущения небеспочвенны, но принимают гиперболизированную и болезненную форму, когда за любыми плохими событиями ищется армянский заговор, к которому затем прибавляется осуществляемая тоже через разные тайные силы, прежде всего КГБ, политика «разделяй и властвуй» центра. «Заговоромания» становится прочной принадлежностью азербайджанской политической культуры[27]. И не только городские низы, но и всё измученное и издёрганное азербайджанское общество становится «пороховым погребом», в любой момент готовым взорваться массовой истерикой.

В этот «разворошённый муравейник» Москва направляет А. Везирова. После сумгаитских событий он сменяет (был организован пленум азербайджанского ЦК, для чего из Москвы приезжает Е. К. Лигачёв) К. Багирова — ставленника Алиева, в 1982 году ставшего членом Политбюро и уехавшего в Москву, а теперь впавшего в немилость к М. С. Горбачёву[28]. А. Везиров, в 70-е годы — первый секретарь ЦК ВЛКСМ Азербайджана, затем первый секретарь кировабадского райкома, стремившийся стать секретарем ЦК КПА, но в чём-то не поладивший с Г. Алиевым и перебравшийся в Москву в ЦК ВЛКСМ, а затем сделавший дипломатическую карьеру, став сначала консулом в Калькутте, затем послом в Пакистане[29]. Особой опоры в бакинской верхушке у него нет. Он пытается создать её, «почистив» верхний эшелон от алиевских ставленников — нахичеванцев[30] (как Алиев освобождался раньше от ахундовских приближённых), восстанавливая в партии репрессированных при Алиеве[31] и ставя на командные посты своих старых друзей по комсомольской работе (при нём, например,

председателем Верховного Совета становится бывший секретарь ЦК ВКСМ Азербайджана Э. Кафарова)[32]. Но главная его опора всё же — на Москву, в глазах которой он стремится предстать борцом с коррупцией и не имеющим никаких антиармянских чувств интернационалистом.

А. Везиров сталкивается в Баку с тем, с чем столкнулись многие республиканские партийные руководители в этот период: с брожением среди интеллигенции и возникновением Народного Фронта — процессом, ускоренным в Азербайджане армянским карабахским движением и затем Сумгаитом.

НФА вначале развивался по классической общесоветской схеме[33]. Группа энергичных и честолюбивых молодых интеллигентов («Клуб бакинских ученых»), азербайджанских эквивалентов российских С. Станкевича, Г. Старовойтовой и др. (З. Ализаде, Л. Юнусова, Т. Гасымов, Х. Гаджи-заде и др.), почувствовавших в начинающейся общесоюзной демократизации возможности быстрой социальной мобильности, опирались, как и везде, на поддержку менее энергичных и более пожилых, но обладавших прочным статусным положением представителей интеллигентской элиты (И. Шихлы, Ю. Самедоглу, М. Араз, С. Рустамханлы и др.), и вступили в отношения «взаимного подмигивания» с частью партийной верхушки. Но этот процесс, развивающийся под влиянием аналогичных процессов в других республиках, прежде всего в Прибалтике[34], в совершенно иной культурной и социальной реальности Азербайджана не мог привести к «прибалтийским результатам».

Статусная интеллигенция поддерживает движение здесь значительно более робко, чем в Прибалтике или даже России. Партийная элита также не выдвигает фигур типа Горбачёва, Ельцина, Бразаускаса, Рюйтеля, Горбунова. И одновременно здесь на улицы выходят толпы, состоящие из совсем иного «человеческого материала», чем «демократические толпы» в Москве или Прибалтике, значительно более тёмные и склонные взрываться бунтами и значительно менее готовые к упорядоченным, организованным действиям. Здесь иная элита и иная толпа, и у этой элиты этой толпой управлять не получается (она может лишь в критические моменты пытаться канализировать бунтарскую энергию этой толпы в относительно безопасное для неё русло борьбы с армянами). При этом чем более явной становится «плебейский» и бунтарский характер вышедших на улицы толп, тем более робкой становится элита. Народнофронтовское движение, возникающее по прибалтийской модели и заимствовавшее прибалтийскую лексику, сразу же начинает эволюционировать в ином, азербайджанском направлении.

Характер выплеснувшихся на улицы толп, в которых всё бóльшую роль начинают играть беженцы из Армении, стал очевиден с первого же общебакинского митинга 16 мая 1988 года. Стало ясно, что ориентирующиеся на

прибалтийскую модель либералы из «бакинских ученых» не могут найти с этими людьми общего языка (иногда — в буквальном смысле слова: многие представители интеллигенции плохо знают родной язык). Им ближе не З. Ализаде, сын двух профессоров, или прекрасно говорящая по-русски, но плохо по-азербайджански Л. Юнусова, а входивший в организацию «Варлыг» («Богатство») (собственно, не организацию, а кружок неопределённой направленности, сочетающий интерес к охране природы и истории и памятникам старины), вообще не говорящий по-русски, но имеющий прекрасный контакт с толпой молодой рабочий завода им. Шмидта Н. Панахов, которого З. Ализаде назвал «лидером первобытнообщинного уклада»[35]. Он произносит речи о том, что если азербайджанцы захотят, они сделают второй Арарат из армянских голов, и по его призыву: «Кто не армяне — встать» или «Кто не армяне — сесть» встает и садится вся многотысячная площадь. Либералам удаётся предотвратить в июле 1988 года назначенную панаховцами забастовку (их агитаторы ходят по заводам и просят не бастовать), но контролировать митинговую стихию они не могут.

Митинги разгораются в мае-июне, затем наступает некоторое затишье, но 17 ноября (после появления в «Бакинском рабочем» за 13 ноября статьи «Зов Топханы», где говорилось, что армяне в Карабахе уничтожают заповедный лес Топханы, где, вроде бы, скрывался в своё время Бабек и где когда-то были расположены пушки карабахского хана, направленные против врагов («топ» по-азербайджански — «пушка») они возобновляются и идут практически не переставая — часть людей остаётся перед зданием Дома Правительства на ночь. Организуется питание митингующих, в чём потом А. Везиров обвинит «коррумпированных дельцов теневой экономики» и прогнанных им алиевских нахичеванских ставленников. 5 декабря войска разгоняют оставшихся на ночь митингующих, и в городе на некоторое время вводится комендантский час[36]. Н. Панахов и ряд других лидеров арестовываются (выпустили их только весной и летом 1989 года).

Либералы из «Клуба ученых» понимают, что получить реальную массовую базу они могут, лишь вступив в союз с иными силами, социально и культурно чуждыми им, но имеющими больший психологический контакт с народными низами. В конце февраля — начале марта 1989 года Инициативная группа по созданию НФА (организованная «Клубом бакинских ученых» летом 1988 года) вступает в соглашение с «варлыговцами» и создаёт Временный инициативный центр и координационный совет НФА из 10 человек, по 5 от каждой группы. Либералы надеются, что их большая культура и элитарные связи позволят им доминировать в НФА. Однако на первую роль в НФА выдвигается человек, психологически и культурно не принадлежащий к бакинской интеллигенции, до этого державшийся несколько особняком и не входивший ни в «Клуб ученых», ни в «Варлыг» — будущий

президент Азербайджана Абульфаз Алиев, принявший затем тюркизированную фамилию-псевдоним — Эльчибей.

А. Эльчибей (1938—2000) — востоковед, арабист, кандидат наук, защитивший диссертацию по истории средневекового Египта. Однако в культурном и социальном плане он очень отличался от «бакинских ученых». Это — выходец из нахичеванской деревни, с сильными и прочными деревенскими корнями, не очень хорошо говорящий по-русски. В 1975—76 годах А. Эльчибей сидел в тюрьме за националистическую антисоветскую деятельность, после этого работал в Институте рукописей АН Азербайджана. Идеология А. Эльчибея строилась на основе, заданной мусаватистской республикой — сочетании страстного пантюркизма и западничества. Хороший оратор (на азербайджанском языке), он завораживал толпы речами о гибнущей империи, великом тюркском народе и о том, что если бы не большевики, уничтожившие АДР, Азербайджан стал бы не менее богатым, чем Кувейт, и не менее свободным, чем США или Франция[37].

«Эльчибеевский» тип демократической азербайджанской интеллигенции первого поколения, выходцев из деревни, сочетающих страстный тюркский национализм с идейным «западничеством» (и одновременно — зачастую с полной неспособностью жить и действовать «по западным правилам»), становится доминирующим в НФА, оттесняя наиболее русифицированную и европеизированную часть бакинских либералов.

16 июля 1989 года на полуподпольной Учредительной конференции НФА А. Эльчибей избирается председателем этой организации. На этой же конференции принимается очень важное постановление о том, что в НФА решения вышестоящих органов имеют лишь рекомендательный характер. НФА постепенно превращается в довольно аморфную федерацию местных организаций, действующих на свой страх и риск. Эти низовые организации, возглавляемые сельской и районной интеллигенцией, нередко представляли собой просто недовольные местной властью группы (что часто было связано с соперничеством местных родственных группировок), провозглашавших себя НФА. «Рядовыми» же НФА были низы азербайджанского общества, «обездоленные и безработные», среди которых особой активностью отличались беженцы[38].

В январе 1990 года власть в НФА окончательно переходит к эльчибеевской группировке, которая забаллотировала на выборах в правление слишком радикального и «неконтролируемого» Н. Панахова и одновременно избавилась и от самых активных представителей бакинской либеральной группировки, лидеры которой З. Ализаде и Л. Юнусова 7.01.1990 года уходят из НФА и создают свою Социал-демократическую группу, затем ставшую партией.

## 4. Черный январь. Падение Везирова

Как З. Ализаде и Л. Юнусовой не получается выполнить социальную роль российских станкевичей, афанасьевых, старовойтовых или эстонских cависааров, так и А. Везирову не суждено было сыграть роль Вяляса или Бразаускаса. Уже первая его попытка выйти к народу, выступив 13 июня на митинге перед зданием Дома Правительства, принесла ему провал. Выступление его было путаным, а язык — невразумительным, ибо по-азербайджански он говорил плохо. Его освистали. Завоевать популярность он не может — его демонстрации казённого интернационализма вызывали насмешки; в народе его называли Везиряном, а С. Арутюняна, первого секретаря компартии Армении, с которым он часто появлялся вместе, — мадам Везировой.

После неудачной попытки обратиться к толпе митингуюших А. Везиров больше к собирающемуся на митинги народу не выходит и регистрировать НФА упорно отказывается, а в конце 1988 года даже идёт на разгон митингуюших войсками (о чем мы уже говорили). Но постепенно ситуация меняется.

В январе 1989 года Москва создает Комитет особого управления НКАО (КОУ) во главе с А. Вольским. Вначале Азербайджан приветствует создание КОУ, но затем здесь начинают понимать, что НКАО уходит из-под бакинского контроля. Везирову надо что-то делать, чтобы окончательно не превратиться во «врага своего народа», но у него нет никаких рычагов давления — ни мощной диаспоры, как у армян, ни сочувствия Запада и либеральной российской интеллигенции, как опять-таки у армян и у прибалтов. Единственное средство давления, которым он располагает — это как раз то вызывающее у него страх народное движение, которое в декабре он попытался подавить силой. Только страх перед тем, что Азербайджан может взорваться, способен побудить центр, на который оказывается сильнейшее давление в пользу Армении, к каким-то действиям по защите азербайджанского суверенитета в НКАО. Таким образом, Везирову не остаётся ничего иного, как начинать «игру с огнем», выпускать из бутылки джина, которого он сам страшится.

29 июля, 5 и 12 августа в Баку снова проходят громадные митинги, которым власти не препятствуют. Основные требования — ликвидация КОУ, принятие закона о суверенитете, аннулирование выборов народных депутатов СССР от Азербайджана, прошедших, естественно, совершенно недемократично и давших делегацию, регулярно пасующую перед армянами, отмена «особого положения» и комендантского часа, регистрация НФА. На 14 августа объявлена забастовка. В этот день, выступая по телевидению, секретарь БК Г. Оруджев призывает к диалогу между БК и НФА.

Начинаются переговоры с мечущимся, не знающим, что делать, А. Везировым, ни к чему не приведшие.

Между тем извне, из Армении и Карабаха, идут всё новые толчки, не дающие взбудораженному азербайджанскому обществу успокоиться, подливающие масла в огонь. 16 августа проводится съезд полномочных представителей армянского населения НКАО, заявляющей о том, что он не признаёт пребывание НКАО в составе Азербайджана. Это происходит в условиях вроде бы управления КОУ, что, естественно, интерпретируется так: КОУ — просто прикрытие для армянской аннексии.

21—22 августа в Азербайджане проходит двухдневная предупредительная забастовка. 10 сентября по телевидению лидеры НФА сообщают о достигнутой договорённости о проведении сессии ВС с участием представителей НФА (ещё не зарегистрированного) по вопросу о КОУ, и 11 сентября забастовка кончается (кроме блокады железнодорожной ветки в Армению). Сессия ВС открывается 15 августа. В выступлениях народнофронтовцев звучат уже открыто «антисоюзные» высказывания[39], и сессия, несмотря на примирительные речи, выглядящие в свете последующих событий просто комично (поэт Б. Вахабзаде: «...Следует не противопоставлять НФ партии, а видеть в нём её помощника»; Наби Хазри, председатель президиума Азербайджанского общества дружбы и культурных связей: «Последние митинги дают право заявить, что наш народ овладел культурой их проведения»), идет крайне бурно, ибо А. Везиров резолюции с ходатайством о ликвидации КОУ боится, предлагая просить лишь об его усовершенствовании, а лидеры НФА угрожают забастовкой и один раз даже покинули заседание. В конце концов, в ночь с 15 на 16 сентября принимается постановление о КОУ, которого добивается НФА. (КОУ, которым были недовольны и азербайджанцы, и карабахские армяне, был ликвидирован ВС СССР 28 ноября.) И только после всего этого, 5 октября, НФА регистрируется.

Эти демонстрации бессилия руководства и отсутствия у него какой-либо чёткой политики приводят к тому, что власть начинает уходить из рук А. Везирова и ЦК, тем более что Армения не дает Везирову и азербайджанцам передышки, 1 декабря 1989 года объявив о присоединении НКАО. Власти пытаются канализовать выплёскивающуюся народную энергию в русло борьбы лишь за Карабах, идя в январе на создание Совета национальной обороны, куда входит ряд народнофронтовских деятелей — А. Эльчибей, Э. Мамедов, Р. Казиев, и проводя запись в отряды добровольцев, что лишь усугубляет анархию. В январе в Азербайджане практически происходит нечто среднее между революцией и просто хаосом. В Баку идут нескончаемые митинги, и власть здесь уже не в руках ЦК, хотя и ещё не в руках НФА. В Нахичевани народнофронтовцы прорывают государственную

границу с Ираном, а в ряде районов — в Джелалабаде и Ленкорани —местные отделения НФА просто берут власть классически революционным путем — изгнав местные КГБ и райкомы. Как и естественно в такой ситуации, в Азербайджане часто организациями НФА объявляют себя местные полумафиозные группировки.

В этой сиитуации 13 января начинаются бакинские погромы армян. В том, что в обстановке анархии и при скоплении в Баку беженцев из Армении, не имеющих жилья и с завистью взирающих на квартиры богатых армян, возникли погромы, ничего противоестественного нет. Но, как и в сумгаитских событиях, здесь тоже имелась мощная «подводная часть айсберга». Для большинства азербайджанцев бакинский погром, которого руководство НФА, безусловно, не хотело и даже организовало спасение армян (хотя и создало благоприятную для его возникновения психологическую обстановку на митингах НФА, на которых большую роль играли беженцы из Армении, периодически появлялись, срывались и появлялись вновь списки армянских квартир), — это кагэбэшно-московско-армянская провокация. Рассказывают о таинственных хорошо одетых людях с адресами армян, предводительствавших погромщиками. Что здесь от провокации и чья она — сказать невозможно, но то, что милиция и внутренние войска, имевшие полную возможность пресечь погромы, бездействовали (около 40 тыс. солдат и офицеров внутренних войск находились в самом Баку и не вмешивались в ход событий даже при обращении к ним за помощью) — это факт.

Далее события развивались еще более страшно и одновременно — предельно нелепо и причудливо. К 15 января армян в Баку уже не осталось — большинство их было эвакуировано народнофронтовскими отрядами. В этот же день появляется Указ Президиума ВС СССР «Об объявлении чрезвычайного положения в НКАО и некоторых других районах». Упоминание «других районов» заставляло думать о Баку, но прямо Баку указано не было. Не внесло ясности и прибытие в Баку 15 января Примакова и Гиренко, встречавшихся с руководством — и партийным, и народнофронтовским. Вроде бы они заверяли, что в Баку чрезвычайного положения не будет, что и было с их слов объявлено первым секретарем Бакинского горкома М. Мамедовым и зав. отделом ЦК А. Дашдамировым. По другим сведениям, Е. Примаков сказал Э. Мамедову, что НФА готовит захват власти и «мы не допустим этого любой ценой»[40]. Между тем НФА блокирует наскоро и плохо вооружёнными пикетами казармы и подходы к городу, что, очевидно, делалось не столько для реального сопротивления, сколько в расчете на то, что центр не решится пролить кровь («тбилисский синдром» не позволит власти ещё раз применить оружие против населения), а после этого можно будет сказать, что он испугался перспективы героического

сопротивления. Тем не менее 19 января появляется Указ Президиума ВС СССР «О введении чрезвычайного положения в городе Баку» с 0 часов в ночь с 19-го на 20-е. Но в этот же день в 7 часов вечера таинственная и так никем и не установленная группа лиц (азербайджанцы считают — КГБ или ГРУ) производит взрыв в бакинском телецентре, выведший телевидение из строя. Поэтому войска входят в Баку, который ничего не знает о чрезвычайном положении и комендантском часе, причём — раньше формального часа введения чрезвычайного положения (не в 0 часов, а в 10 часов вечера), а о чрезвычайном положении было объявлено по радио только в 7 часов утра. Впоследствии комиссия по расследованию событий Верховного Совета Азербайджана интерпретирует это следующим образом: «...время объявления в Баку чрезвычайного положения и введения комендантского часа скрывалось от народа, и делалось всё, чтобы эти акции застали бакинцев врасплох»[41]. Ввод войск сопровождался крайней жестокостью — стреляли по любой движущейся мишени и просто по тёмным переулкам и окнам домов. К моменту объявления по радио чрезвычайного положения уже было убито 82 человека, в большинстве своём никакого отношения к пикетам не имевших. После этого погибли еще 21 человек. Из 82 трупов погибших от огнестрельных ранений у 44 входные отверстия от пуль — на спине, были и заколотые штыками в спину.

Комиссия Верховного Совета Азербайджана утверждает, что эта акция «была сознательно спланирована и цинично осуществлена как карательная акция и имела целью дать наглядный урок устрашения движениям за независимость в Азербайджане и других республиках Советского Союза». В какой-то мере, очевидно, так и было. Центру, конечно, нужно было продемонстрировать силу и решимость, и он не случайно выбрал (сознательно или полусознательно) Азербайджан как «слабое звено» — страну, о которой мир ничего не знает, кроме того, что там живут притесняющие армян мусульмане и она рядом с Ираном и поэтому на нее может перекинуться страшная исламская революция. Но всё же преувеличивать степень сознательности этой акции, на наш взгляд, не следует.

В Армении и Азербайджане рассказывают истории про одного руководителя из центра, который, обращаясь к армянам, говорил: «Да как это вы, два мусульманских народа, не можете договориться»[42]. Этот анекдот, на наш взгляд, в какой-то мере проливает свет на кровавые бакинские события. Не только мир в целом, общественное мнение на Западе и в России, но и центр имел самое смутное представление о том, что происходит в Азербайджане, и никакие отчеты никаких КГБ ничего принципиально здесь изменить не могли, ибо КГБ может сообщить, что сказал А или Б, но не может дать общую интерпретацию, которая и у членов Политбюро складывалась скорее из прессы. Вот косвенное подтверждение этого. Бывший

ближайшим помощником Горбачёва А. С. Черняев, человек очень информированный, пишет в своих мемуарах о событиях конца 1988 года: «В Баку стали жечь БТРы, даже танки, убили двух русских солдат, по улицам ходят с зелёными флагами, портретами Хомейни, зовут устроить „Сумгаит“ для всех армян в Азербайджане»[43]. Пресловутые портреты Хомейни и зелёные флаги, ничего не говорящие о политических настроениях в Азербайджане, появились в центральной прессе и прочно засели в сознании людей, наложившись на образы хомейнистской революции и ещё более глубокие образы «мусульманского фанатизма». Можно ли считать сознательным решение, принятое на основании такой информации, предоставляем судить читателю.

Кроме того, в этот период, непосредственно предшествующий распаду СССР, государственная машина работала всё более иррационально. Обстоятельства ввода войск легче объяснить не дьявольским планом (кого? — Горбачёва, Бакатина, Язова?), а просто начинающим воцаряться в обществе и в армии хаосом. Советские действия в Баку вызывают образ агонии громадного животного, части тела которого начинают двигаться беспорядочно и иррационально.

Но так или иначе, ввод войск в Баку кладет конец «эпохе Везирова», ещё до ввода войск убежавшего со всеми своими чадами и домочадцами в Москву. Начинается новая страница азербайджанской истории, связанная с именем ставшего новым первым секретарем БК А. Н. Муталибова.

## 5. Режим Муталибова

После кровавой бойни в Баку первым секретарем БК КПАз становится А. Муталибов. А. Муталибов — по происхождению шемахинец, но родился в 1938 году в Баку и жена у него — коренная бакинка, сам — сын доктора наук[44]. Как впоследствии говорил сам Муталибов, ему прочили научную карьеру, но он после окончания в 1962 году Института нефти и химии пошел на производство. В 1974 году он становится генеральным директором производственного объединения «Бакэлектробытмаш» (завод холодильников), с 1977 года — на партийной работе, с 1979 — министр местной промышленности, с 1983 — зампредсовмина, с 1989 года — председатель Совмина. Впоследствии он будет подчеркивать, что он — не профессиональный партработник, в партию вступил, только став главным инженером, а первым секретарем в январе стал только потому, что «...интересы дела превысили личное нежелание»[45]. На освободившееся место председателя Совмина назначается профессиональный комсомольский и партийный работник секретарь ЦК Г. Гасанов[46].

С А. Муталибовым связана целая эпоха политической истории Азербайджана. Обязанный своим возвышением «советским штыкам», он, тем не менее, сумел создать себе определённую внутреннюю поддержку. Частично это была традиционная, кланово-мафиозная поддержка, обеспечивавшая ему, когда нужно, уличную толпу — со стороны цветочников бакинских пригородов[47], объединившихся в январе 1990 года в общество «Гардашлыг» («Братство»), под руководством А. Ахундова, и общества «Товбе» («Покаяние»), созданного тоже в январе обратившимся к Богу бывшим уголовником и наркоманом Г. Абдулом[48]. Но все-таки основную поддержку он пытается создать себе не клановую, а скорее «классовую» и «идеологическую», правильно ощущая настроения бакинской элиты и используя тот страх, который она испытала в январе 1990 года, когда на улицах царствовал неконтролируемый «плебс».

Какого-либо мировоззрения у А. Муталибова, разумеется, не было. Как почти все наши политические деятели, к началу 1990 года он употребляет марксистскую символику: «Новая концепция социализма — это веление времени... В партийной и научной среде крепнет убеждение в необходимости возвращения к классическому марксизму»[49]. Но, опять-таки, как почти у всех, она реально ничего не значила, и, следуя эволюции общественных настроений, он уже в 1990 году начинает использовать «туманно»-религиозную символику («человек истинной веры — это член нашего общества, которое сегодня раздирается противоречиями именно по причине господствующего безверия»[50]), а позже вообще объявляет себя религиозным человеком[51]. Эволюция — стандартная и аналогичная эволюции Алиева, Ельцина, Шеварднадзе и многих других. Но эта стандартность ему даже полезна, ибо главное для него — показать интеллигентным бакинцам, что он — настоящий интеллигент, сын доктора наук. Наверное, в СССР не было в этот период другого политического деятеля, который бы так подчеркивал свою интеллигентность, как Муталибов, цитировавший Руссо и в своем интервью «Независимой газете», уже после своего падения, на вопрос об его отношениях с Л. Тер-Петросяном ответивший: «Он воспринимал мою интеллигентность, и я понимал и воспринимал его интеллигентность»[52]. И все его ценности — «нормальные интеллигентские ценности», как у всех.

Как все, он — за демократию западного типа[53], как все — уважает Сахарова и Солженицына[54], религию, национальные традиции и т. д. Он активно возрождает символику Азербайджанской Республики 1918—20 годов. Цель его — демократический и независимый Азербайджан.

Но (мы излагаем тот ход мыслей, который содержится в его многочисленных выступлениях и интервью и который заставляет подозревать в его иногда доходящем до смешного подчеркивании своей интеллигентности

не только его личную черту, но и аспект, может быть, бессознательной или полубессознательной политической стратегии) — давайте смотреть правде в глаза — Азербайджан еще не готов к демократии и независимости. Демократия может обернуться хаосом, кровавой революцией, разгулом плебса[55], террором[56], повторением января 1990 года или даже октября 1917-го. (Совершенно не замечая комизм такого заявления в устах руководителя компартии, он говорит, что то, чего добивается оппозиция — «...это далеко не мирный плюрализм, а та же самая революция или переворот, который был уже у нас в начале века»[57]. Для руководителей компартии, пришедшей к власти в результате Октябрьской революции, в 1990 году эта революция стала символом зла, кошмаром, преследующем в ночи.) Но раз так, значит, нужен переходный период просвещённого авторитаризма, планомерного и упорядоченного движения к независимости и демократии — то, что должен был бы осуществить в масштабах всей страны Горбачёв, который вместо этого пустил всё на самотёк (времена меняются, и если А. Везиров и подумать не мог критиковать Горбачёва, Муталибову нужно от него дистанцироваться[58]), и что необходимо, несмотря на все помехи со стороны центра, осуществить в Азербайджане, тем более что здесь у власти оказался такой просвещённый и интеллигентный человек. «Нужен не символ президентской власти, а сама власть»[59].

Компартия мыслится А. Муталибовым как организация просвещённой элиты. Он даже рад тому, что после января партию покинуло много рабочих — «Думается... что мы слишком абсолютизировали значение рабочей прослойки... В то же время на глазах разрасталась проблема, которую можно определить как интеллектуальное оскудение рядов партии»[60]. «Образно говоря, она (компартия. — *Д. Ф., А. А.*) — тот фермент, без которого у нас невозможно нарастить слой политически цивилизованного демократического общества»[61].

В специфических условиях Азербайджана муталибовская проповедь просвещённого авторитаризма получила значительный отклик. Бóльшая часть интеллигенции, которая в других республиках находилась в безусловной оппозиции коммунистам, в Азербайджане, напротив, поддерживала Муталибова. Социал-демократы, например, вытолкнутые из «плебейского» Народного Фронта и, похоже, совершенно возненавидевшие вытолкнувших их «хамов» (Лейла Юнусова говорит о Народном Фронте: «Задуманный в идеале стройный атлет с внешностью Аполлона, мужеством Бабека, интеллектом Аристотеля, мудростью и демократизмом Низами превратился в нового Шарикова, воинствующего и обожествляемого»[62]), фактически взяли на себя роль «конструктивной» оппозиции, нужной Муталибову для создания либерального имиджа Азербайджана и его власти[63], получив не соответствующее их численности и влиянию место в прессе[64] и в политической

жизни (З. Ализаде даже стал «соперником» Муталибова на всенародных выборах президента, снявшим затем свою кандидатуру). Создается также организация «Демократический союз интеллигенции Азербайджана» во главе с будущим соперником Эльчибея на президентских выборах Н. Сулейменовым, объединивший «интеллектуальную элиту», цель которой, очевидно, дать средство ненароднофронтовского политического самовыражения социальному слою, который в других республиках поддерживает в это время народные фронты и их аналоги. На вопрос корреспондента, есть ли аналогии между ДСИА и Гражданским форумом в Чехословакии, представитель Союза говорит: «Нет. В их лозунгах и программах много воинственного»[65].

Но главное, что работало в пользу Муталибова, — даже не какая-то особая поддержка, а та легкость, с которой азербайджанский народ переходит от бунта и анархии к успокоению, принимая безразлично-лояльно любую власть, если она действительно опирается на какую-то силу. В январе была массовая истерия, но азербайджанскому обществу не хватает «выдержки», и, казалось бы, полностью развалившаяся компартия возрождается, как сказала Лейла Юнусова, «как Феникс из пепла сожжённых партбилетов», что ответственный работник ЦК Р. Гусейнов цитирует в том же дружелюбном стиле: «Обаятельная и умная Лейла Юнусова, одна из лидеров азербайджанских социал-демократов, не без горечи заметила, что КПА возродилась как птица Феникс из пепла сожжённых партбилетов»[66]. В январе было сожжено или выброшено 45 000 партбилетов. Но постепенно многие стали восстанавливаться в партии и вступать в нее вновь. Естественно, это прежде всего — служащие и интеллигенция, а не рабочие, удельный вес которых среди коммунистов снизился (как мы уже говорили, даже к некоторому удовольствию Муталибова[67]).

Последовательно Муталибов осуществляет целую серию мер, которые должны укрепить его власть и придать ей новый имидж, по возможности более национальный и демократический и менее советский и коммунистический. Принимается трехцветный государственный флаг республики 1918—20 годов и день провозглашения этой республики, 28 мая, становится нерабочим. Создается консультативный совет, включающий деятелей оппозиции, и с согласия этого совета в мае Муталибов избирается старым составом Верховного Совета президентом (естественно, без конкурентов и единогласно). А осенью он проводит выборы в Верховный Совет.

Выборы эти, конечно, были недемократическими. Они проводились в условиях сохраняющегося чрезвычайного положения и запрета митингов, и наблюдатели из других городов СССР в Баку допущены не были. Но они не были и полностью фиктивными. Шла реальная борьба. Из 349 округов выдвинуто по 1 кандидату были лишь в 10. Так как в ряде округов

кандидатуры были сняты, всего округов, где баллотировался 1 кандидат, было 58. Но в 10 округах было по 5 кандидатов и больше[68]. В Баку были округа, где было более 10 кандидатов на место, а в одном, 7-м бакинском, — 23 кандидата[69]. Далеко не везде удалось провести выборы сразу, 30 сентября, и в декабре в ряде округов было переголосование, а затем и перевыборы. Создается впечатление, что правительство стремилось лишь не допустить слишком много и слишком радикальных народнофронтовцев и, очевидно, людей, наиболее близких и верных Г. Алиеву, но в остальном пустило дело на самотёк, и бóльшая часть всяких подтасовок была связана с борьбой местных группировок, а не с выполнением ясных указаний Баку[70]. Поэтому результаты выборов все же отражают состояние умов в Азербайджане. Результаты эти очень примечательны. Вот так выглядит список избранных 30 сентября депутатов (мы приводим начало этого списка): Аббасов А. А., первый секретарь райкома; Аббасов А. И., начальник производственного объединения «Азерсельстрой»; Аббасов М. Д., первый секретарь райкома; Аббасов Т. Б., первый секретарь райкома; Абдуллаев А. М., начальник районного отдела КГБ; Абдуллаев А. М., главврач 4-й Бакинской городской больницы; Абдуллаев Б. А., директор хлебокомбината. Произведенная нами «выборка» — совершенно случайна. Это — просто начало списка. Но для усиления впечатления приведем фамилии, начинающиеся на Э и Я: Эминбейли Р. Ф., председатель исполкома; Эюбов В. Ш., первый секретарь райкома; Якубов Ф. М., зав. отделом организационно-партийной и кадровой работы ЦК КПАз; Яхьяев Ш. Л., первый секретарь райкома[71].

Эпоха Верховных Советов со «знатными доярками» кончилась. Правящая элита понимает, что в новых условиях Верховный Совет — это уже не такая фикция, как раньше, а с другой стороны — у нее «развязаны руки», ибо жесткой «разнарядки» и списков сверху уже нет. Поэтому она захватывает сама депутатские кресла, оттеснив всех прочих. «Сейчас все руководители, — пишет автор «Бакинского рабочего», — не имея списков «сверху», активно выдвигают сами себя. Взять, к примеру, вузы. Кандидатами в депутаты выдвинуты почти все ректоры… Ни одного студента или преподавателя. Только ректоры!»[72] В результате возник парламент, поразительный по своей классовой однородности. Из 360 человек среди депутатов оказалось только 7 рабочих, 2 колхозника (в 20 раз меньше, чем в составе предыдущего Верховного Совета), 17 женщин, 22 представителя интеллигенции. Подавляющее большинство депутатов — представители местных властных элит: секретари райкомов, председатели исполкомов, очень много — 8,8 процента — руководителей КГБ и милиции[73]. «Пожалуй, самая большая неожиданность нынешних выборов, — пишут С. Абдуллаева и Г. Тагиева, авторы статьи «Парламент наших надежд?», —

обилие депутатов — руководителей разного рода пищевых, снабженческих и заготовительных предприятий, объединений, хозяйств, директоров мясо- и хлебокомбинатов, заготовительных контор, плодоовощных объединений и т. д.» Не было избрано много видных представителей бакинской и «общесоюзной» культурной элиты, обладавших значительной известностью, но не имевших реальной базы в каком-либо районе. Более того, при первом голосовании не был избран и шейх-уль-ислам А. Пашазаде, о чем С. Абдуллаева и Г. Тагиева с прискорбием замечают: «Не хочется думать, что духовный глава нашего народа пользуется в республике меньшим уважением, чем, скажем, католикос *в* Армении...»[74] Похоже, что выявившийся при первом голосовании состав депутатов даже напугал А. Муталибова, стремящегося к интеллектуально-либеральному имиджу[75], и был произведен какой-то нажим, обеспечивший в конечном счёте А. Пашазаде и М. Ибрагимбекову депутатские места. Сторонники НФА получили 31 мандат[76], и когда мы читаем список депутатов с указанием их должностей, мы практически безошибочно можем определить, кто из них — народнофронтовцы, по должности — это не элитарная, низовая интеллигенция[77].

Насколько эти результаты выборов отражали действительную популярность НФА — сказать трудно. Естественно, что руководство НФА заявило о том, что выборы были нечестные и недостатка аргументов в пользу этого тезиса не было. И всё же, очевидно, большинства НФА не добился бы и при самых честных выборах, ибо бурно взорвавшееся в декабре 1989 — январе 1990 года общество стало успокаиваться и обычная для него лояльность к власти, начальству взяла верх[78]. Общество проголосовало за свою властную элиту. Одним из таких голосований за свою элиту, раскрывающих грандиозную роль кланово-земляческой солидарности, и очевидно не очень приятным для Муталибова, было голосование в Неграмском округе Нахичевани, где 95 процентов голосов было отдано за павшего, но сохранившего связи, клановую поддержку и определённую популярность, как «сильный человек», и вышедшего в январе из партии Г. Алиева, который вскоре становится Председателем Верховного Совета Нахичеванской Автономной Республики[79], фактически выведя Нахичевань из-под контроля Баку[80]. В целом, однако, выборы, безусловно, были большой победой муталибовского режима.

В марте 1991 года Муталибов, который, конечно, понимал, что при всём видимом установившемся спокойствии народа перспектива остаться наедине с ним и с армянами — не самая радужная, развала СССР, во всяком случае, в обозримом будущем, не хотел и использовал свою лояльность СССР для получения поддержки от Москвы, одержал ещё одну такого же рода победу, успешно проведя референдум о судьбе СССР. В референдуме

участвовало 74,9 процента азербайджанских избирателей (больше, чем в РСФСР — 74, но меньше, чем в Средней Азии). «За» Союз проголосовала 93,3 процента, «против» — 5,8 (в Баку за Союз — 85,3)[81]. В референдуме, однако, не участвовала Нахичевань, где Г. Алиев успел стать председателем меджлиса (совета), заняв активно оппозиционную позицию и практически перестав подчиняться Баку.

Более того, уже под конец, когда судьба его была решена, в сентябре 1991 года Муталибов умудрился провести всенародные выборы президента. Было выставлено 2 кандидатуры — А. Муталибова и З. Ализаде, лидера социал-демократов. Затем З. Ализаде кандидатуру снял, и за единственного кандидата проголосовало подавляющее большинство (85,7 процентов участвующих, 98,5 — «за»)[82]. В Нахичевани, опять-таки, выборы не проводились — Г. Алиев заявил, что они — безальтернативны и потому — недемократичны[83].

И совсем уже под конец, 29 декабря 1992 года, когда власть у Муталибова уже уходила из рук, был проведён референдум о государственной независимости Азербайджана, где участвовало 95,2 процентов, за — 99,58, против — 0,2[84].

Все эти данные, говорящие о всеобщей лояльности президенту и его курсу, нельзя списать как одни лишь подтасовки, фальшивки[85], как нельзя, разумеется, и воспринимать буквально. На наш взгляд, они отражают реальность — иррациональный характер политики в обществе, легко взрывающемся и также легко успокаивающемся, лояльно принимающем власть и воспринимающем выборы и референдумы как «положенные» формы проявления этой лояльности. Это общество легко впадает в «полудремотное» состояние и нелегко из него выходит. Для того чтобы оно снова пробудилось, нужна новая мощная «встряска». Но до поры до времени Муталибову удается такой встряски избежать.

## 6. Падение Муталибова

В условиях горбачевского СССР А. Муталибов не мог бы (если бы и хотел) ликвидировать НФА. И постепенно НФА оправляется от январского удара. Депутаты-народнофронтовцы, объединённые во фракцию «Независимый Азербайджан», с самого начала проявляют себя очень активно, в первый же день работы парламента, когда «подавляющее большинство» попыталось их подавить, покинув зал заседания и организовав митинг перед зданием Верховного Совета и предупредительные забастовки на ряде бакинских предприятий. Народнофронтовцы запугивают правящую верхушку призраком повторения январских событий, и страх этот настолько

велик, что коммунистическое большинство с этого момента позволяет меньшинству играть в парламенте совершенно не пропорциональную его численности роль[86]. Заместителем председателя Верховного Совета сразу же избирается Т. Караев, председатель меджлиса Народного Фронта. В ряде голосований на сторону народнофронтовцев переходят даже некоторые представители большинства, всё более нервничащие из-за явно и бурно идущего распада КПСС и СССР, заставляющего всех, вслед за президентом, думать о новой символике и новом имидже. Так, например, при голосовании, проводить или не проводить референдум о сохранении СССР, против его проведения голосовали 43 депутата, воздержалось 6 (а народнофронтовцев — 31)[87].

Тем не менее, пока нет новых толчков извне, будоражащих азербайджанскую душу и обостряющих национальное сознание, НФА особой угрозы не представляет. Муталибову в какой-то мере удается канализировать энергию НФА в «конструктивное» русло борьбы с армянами — народнофронтовские добровольческие отряды включаются в состав азербайджанского ОМОНа, лидеры НФА сотрудничают с властями в Совете Обороны и в середине 1991 года в НФА оформляется затем покинувшая его группировка во главе с Э. Мамедовым, основная идея которой (в тот период) — пока идёт борьба за Карабах, борьбу за власть и демократию надо отставить, на этот период нужна сильная власть. Это раскол совсем иного типа, чем раскол социал-демократов, но он тоже на руку Муталибову и потенциально может расширить его поддержку (если социал-демократы готовы поддерживать его, потому что его власть, хотя и авторитарная, но с либерально-западническим «флёром» и является альтернативой революционному хаосу, то «мамедовцы», создавшие затем Партию Национальной Независимости Азербайджана — потому, что он противостоит «армянской агрессии»).

Между тем 1990-й и первая половина 1991 года проходят без особых «толчков», идущих из Карабаха, Армении или Москвы. Муталибов ведёт очень гибкую политику в отношении центра. В нем нет той стопроцентной преданности, какая была у Везирова, но на фоне победы АОД в Армении и Гамсахурдиа в Грузии Азербайджан — оазис спокойствия и лояльности. И центр, хотя и вяло, начинает помогать Азербайджану, идя на широкое использование в операциях против армянских боевиков 4-й армии, командный пункт которой был в Гяндже. Создается Республиканский Оргкомитет по Нагорному Карабаху, во главе которого встаёт присланный в Азербайджан вместе с Везировым второй секретарь ЦК В. Поляничко, до этого служивший в Афганистане и не то изображавший из себя, не то — реально ставший страстным азербайджанским патриотом и чуть ли не мусульманином[88]. Весной 1991 года осуществляется операция «Кольцо», приведшая

к депортации населения ряда армянских сёл — опорных пунктов боевиков, и популярность Муталибова в Азербайджане значительно возрастает.

Фактически вырисовывалась четкая перспектива превращения муталибовского режима в подобие режимов Назарбаева или Каримова, но с несколько большим «либеральным» оттенком, соответствующим особенностям азербайджанской политической традиции республики 1918—20 годов, образ которой влиял в какой-то мере не только на народнофронтовцев, но и на правящую верхушку. Но такой перспективе не суждено было реализоваться. «Толчки» все-таки произошли и вновь взорвали общество, обладающее способностью как быстро успокаиваться, так и стремительно взрываться, переходя от «спячки», «погружения в быт» к судорожной активности.

Серия потрясений начинается с московского «августовского путча». А. Муталибов в это время был в поездке в Иране, где сделал неосторожное и дорого стоившее ему заявление с критикой нерешительности ведущего страну к анархии Горбачева и косвенной поддержкой ГКЧП[89]. Путч и его провал активизируют НФА, организующий митинги с требованием роспуска Верховного Совета и новых демократических выборов и парламента, и президента.

А. Муталибов начинает делать судорожные движения по созданию новой легитимизации своей власти. 30 августа Верховным Советом принимается «Декларация о восстановлении государственной независимости Азербайджана» и о создании сил национальной самообороны[90]. 8 сентября, несмотря на протесты НФА, требующего их переноса на более поздний срок, всё же проводятся всенародные выборы президента, о чем уже говорилось раньше. 10 сентября проводится Чрезвычайный съезд КПАз, который без какого-либо сопротивления и почти не обратив на себя внимание общества принимает решение о роспуске компартии[91]. (Поразительный факт, но во всех европейских, «христианских» республиках, включая Грузию и Армению, компартии оказались во много раз более «живучи». Здесь всё же была какая-то идейная поддержка компартий, а в Азербайджане коммунистическая власть имела лишь ту поддержку, которую вообще имеет власть в мусульманских обществах. При этом авторитарный характер власти — очень устойчив.)

Но все эти меры ничего не дают, ибо армия в Карабахе перестает поддерживать азербайджанцев и здесь сразу же начинается армянское наступление, сведшее на нет все успехи, достигнутые весной. Широко разрекламированная поездка в Баку, Ереван и Степанакерт Назарбаева и Ельцина, надеявшегося показать всем, что Горбачёв не мог разрешать конфликты, а некоммунистическая демократическая Россия — может, ни к чему не привела. В октябре происходит «трагедия у Каракенда («Черная деревня»,

«Черное село») — армянские боевики сбивают вертолёт, на котором летели члены комиссии Верховного Совета Азербайджана, куда входила значительная часть поддерживавшей Муталибова высшей азербайджанской элиты вместе с несколькими российскими и казахскими миротворцами[92].

Начинается новый всплеск национальных чувств и политизации азербайджанского общества. НФА резко усиливается, и страна снова постепенно скатывается к хаосу, похожему на хаос декабря 1989 — января 1990 годов.

У здания Верховного Совета идут нескончаемые народнофронтовские митинги, и в самом Верховном Совете тоже воцаряется хаос. Как всегда в такие периоды в Азербайджане, общество полно всякого рода слухов.

Власть уходит из рук Муталибова. 26 октября Верховный Совет вынужден принять решение о передачи части своих полномочий Национальному Совету (Милли Шуре, позднее переименованной в Национальное Собрание, Милли Меджлис), состоящему наполовину из бывших коммунистов, наполовину — из оппозиции, по 25 от каждой из сторон, который приступает к работе в декабре.

Январь и февраль проходят в крайнем напряжении. НФА требует отставки А. Муталибова, который, очевидно, сам постепенно приходит в истерическое состояние. 1 февраля он публикует «Обращение Президента Азербайджанской Республики к народу»: «Дорогие соотечественники! Братья и сёстры! Мудрые отцы и матери наши! Поверьте, ваш президент страдает не меньше, чем вы... Недопустимо в борьбе за власть использовать наши временные трудности... У нас свой путь, и нам надо им идти и дальше — без крови, без революций, конституционным парламентским путем... Я поклялся быть преданным своему народу, служить ему, и вновь подтверждаю: я выполню всё, в чем поклялся народу»[93]. Через несколько дней после этого обращения, 26—27 февраля, армяне берут город Ходжалы и устраивают зверскую резню мирного населения, которое правительство, не зная, как реагировать, несколько дней просто пытается скрыть. А. Муталибов обречён. 5 марта в интервью «Комсомольской правде» он говорит: «Психическое состояние, в котором я нахожусь, не позволяет переключиться и думать о чем-либо другом (кроме Карабаха. — *Д. Ф., А. А.*)». Ему кажется, что Россия сознательно бросила Азербайджан на произвол судьбы, чуть ли не для того, чтобы свергнуть его: «Вообще трудно придумать лучший способ для дискредитации Президента Азербайджана, чем вот так — отступиться от всех договорённостей и обещаний, оставить наш народ наедине со смертельной опасностью. Если есть такая цель — свалить президента волной народного горя и страдания, то это, считаю, преступление»[94]. Вечером на следующий день, после бурного митинга с требованиями отставки президента перед зданием Верховного Совета,

просто не выпускающего депутатов из здания, и практически — такого же митинга, устроенного народнофронтовцами внутри него и совещания с аксакалами и шейх-уль-исламом, Муталибов объявляет о своём уходе и отказе от политической деятельности. Верховный Совет тут же постановляет о назначении ему пенсии в 10 000 рублей, десяти человек охраны, машины и дачи[95].

## 7. Народнофронтовская революция

Временным главой государства становится председатель Верховного Совета ректор мединститута Якуб Мамедов (сменивший в своё время Э. Кафарову). 10 марта публикуется его Обращение к народу, где говорится: «...мудрость, проявленная Президентом Азербайджана, его отставка во имя прекращения противостояния еще раз убедительно продемонстрировали, что в Азербайджане всё больше утверждаются демократические принципы государственного управления, основанные на нормах цивилизации, правосознания. Отставка Президента вовсе не является антиконституционным переворотом. Она вытекает из объективной необходимости предотвращения рокового для нации развития событий»[96].

Я. Мамедов — личность, не имеющая сильной клановой поддержки (он — выходец из северо-западного Кедабекского района, практически не представленного в политической элите) и никакой популярности, чьи заявления типа: «Некоторые мои оппоненты уже обвиняют меня в нерешительности. Я докажу им, что человек я принципиальный и решительный»[97], производят жалкое впечатление, а бесконечные призывы к законности и порядку вообще никакого впечатления не производят[98].

Идеологически он не отличается от А. Муталибова, но «муталибовский» идейный комплекс приобретает у него карикатурный характер. Он как бы договаривает «до конца» чувства и мысли азербайджанской элиты. Мы видели, как Муталибов осторожно отмежёвывался от своего коммунистического прошлого. Вот в какую карикатуру это превращается у Я. Мамедова: «Сегодня многие отрекаются от своего «партийного прошлого». Я ни от чего не отрекаюсь. Партия и работа в партии были единственной формой, единственной возможностью политической деятельности. И я намеренно шёл в политику помочь народу, который угнетён, закабалён системой изощрённой эксплуатации»[99].

Ориентация на Россию, стремление покончить с карабахской проблемой, избежав народного движения, которое неизбежно ведёт к смене правящей верхушки (в это время разворачивается борьба вокруг вступления в СНГ, против которого выступает НФА) выражаются им следующим

образом: «Ключ к решению карабахского конфликта находится в Москве, в кабинете президента России. Ельцин один способен остановить войну... Ельцину достаточно сказать: России не безразлично, что происходит на её южных границах, она не заинтересована в продолжении армяно-азербайджанского конфликта и настоятельно рекомендует обеим сторонам прекратить военные действия. В противном случае Россия берет на себя бремя установления закона и мира. Я убежден — на следующий день огонь прекратится»[100]. А вот во что превращается у него муталибовское «заигрывание с религией»: «Самой большой, самой заветной моей мечтой было видеть Азербайджан независимым государством... хотя некоторые общественно-политические организации приписывают эту заслугу себе, я же считаю, что это — историческая неизбежность. Свободу даровал нам Аллах!»[101] «Что касается каких-то главных особенностей моей предвыборной программы, то, мне кажется, они в концепции национального развития, которую я бы сформулировал таким образом: многоукладность экономики, плюрализм в политике, равенство наций и возрождение духовности... религия должна занять своё место в духовной жизни народа. Надо вернуть человеку его суть»[102].

Естественно, что этот типичный (можно сказать — типичный до гротескности) представитель азербайджанской интеллигентски-бюрократической элиты взять в свои руки реальную власть не может и воспринимается всеми как переходная фигура.

Перспектива полного перехода власти к НФА вызывает ужас бакинской верхушки, для которой это означает не просто победу какого-то нового «клана», новой группировки, но разрушение самих основ её существования. Ведь полная независимость, невступление в СНГ — это разрыв системы московских связей, которые для неё источник влияния и власти. Создание своей армии — это создание реальной и совершенно не подконтрольной ей силы. Переход на азербайджанский язык — это страшная перспектива утраты положения и даже работы той ее значительной части, которая не знает азербайджанского языка[103]. Приход к власти НФА — это приход «плебеев», к которым бакинская элита испытывает чисто «классовую» ненависть.

А. Ализаде говорит: «Основная деструктивная сила — НФА — не способна созидать... Если здоровые силы общества не очнутся и не дадут отпор вакханалии люмпенов, то очень долго над Азербайджаном будет ночь»[104]. Но у «здоровых сил» нет лидера. Наиболее способен претендовать на роль такого лидера Г. Алиев, в пользу которого идёт мощная агитация. Бывший секретарь ЦК Р. Мехтиев, отстраненный в 1988 году А. Везировым, говорит в интервью (естественно, специально организованном и полностью посвящённом Г. Алиеву): «Я против сильной руки, но за сильную

власть и крепкую дисциплину. Дело не в авторитарности, а в авторитете этой личности. Так вот, выражая моё личное мнение, я скажу — авторитет у Алиева в республике есть; это, без сомнения, незаурядная личность, крупный государственный деятель, обладающий качествами лидера...» Здесь же делается прямой намёк на то, что и народнофронтовцам найдутся тёплые места («Полагаю, было бы естественным гармонизировать деятельность политиков новой формации мудростью, опытом и дальновидностью представителей старшего поколения»), и о Я. Мамедове, если он будет себя хорошо вести, не забудут («Человек он трезвый, рассудительный... Он вышел из народа, знает его проблемы, не предаёт его интересов»). Но здесь же и фраза, раскрывающая глубокие противоречия в элите и объясняющая, почему не произошло ее объединения под предводительством Г. Алиева: «Наш парламент — порождение авторитарного режима», и через несколько фраз — «коррупция захлестнула общество»[105]. За три с половиной года, прошедших с падения власти Алиева—Багирова, в Азербайджане в значительной мере успели смениться властные номенклатурные кланы, и новая номенклатура, составляющая большинство Верховного Совета, боится возвращения Алиева едва ли не больше, чем народнофронтовских «плебеев», и в ответ на эти угрозы в свой адрес принимает закон, по которому президент Азербайджана не может быть старше 65 лет (что автоматически выводит Алиева из игры).

Идёт сложная и «маловразумительная» борьба вокруг того, к кому всё-таки должна перейти, как должна быть оформлена верховная власть. В начале НФА — против президентских выборов в условиях войны и за создание коалиционного правительства. Но почему-то (возможно, здесь сыграло роль стремление Я. Мамедова стать президентом)[106] Верховный Совет принимает решение о выборах 7 июня[107]. Тогда НФА соглашается, выдвинув кандидатуру А. Эльчибея. Через некоторое время у депутатов явно возникают сомнения, по просто так отменить решение невозможно. Началась избирательная кампания.

В ней участвуют все крупные фигуры тогдашней политической сцены — А. Эльчибей, Т. Караев, Я. Мамедов, Э. Мамедов, А. Ализаде и др. Но постепенно многие выходят из игры, смысл которой для них был просто в использовании кампании для саморекламы, и вырисовываются две основные фигуры — А. Эльчибея и очень колоритная фигура Низами Сулейманова, 1945 года рождения, члена-корреспондета Академии наук Азербайджана, председателя Демократического союза интеллигенции Азербайджана, разбрасывавшего обещания направо и налево. «Главное, — говорил он в интервью, — сделать жизнь людей лучше. И я знаю, что могу это сделать, и знаю, как это сделать». Нужно «искать разрешение кризисной ситуации в республике на путях технического прогресса». Далее идут фразы, которые

можно без изменений включать в какое-нибудь пародирующее политиков эстрадное выступление. Техническими средствами, развитием новых вооружений (в Азербайджане!) он обешает за три месяца покончить с карабахским конфликтом и через год предоставить каждому азербайджанцу квартиру, не увеличивая госбюджета[108]. Правда, эта предельная «неосторожность» в обещаниях сочетается у него с очень большой осторожностью, когда он говорит о А. Муталибове и Г. Алиеве[109]. Бакинская верхушка не могла найти лучшего кандидата, кроме этого человека. Но, очевидно, она понимает всё же, что особой надежды на Н. Сулейманова быть не может и шансы разбить с его помощью А. Эльчибея невелики[110].

И тут события принимают новый, неожиданный и типичный для азербайджанской истории тех лет оборот. 9 мая пала Шуша — последний оплот азербайджанцев в Карабахе. Очевидно, это было воспринято сторонниками Муталибова как наглядное доказательство того, что и трагедия в Ходжалы — не его вина. «Гардашлыг» и «Товбе» организуют пикеты у здания Верховного Совета, требуя возвращения Муталибова и роспуска Милли Меджлиса. Но, естественно, самое важное происходит в тени, и как всё это происходило, догадаться трудно. НФА не обращал особого внимания на не такие уж большие пикеты муталибовцев и дальнейшими событиями был застигнут врасплох.

14 мая собирается сессия Верховного Совета, на которой — 241 человек из 360 (НФА позднее утверждал, что было всего 229 человек, что меньше кворума). На ней заслушивается доклад депутатской комиссии, созданной для анализа обстоятельств ходжалинской трагедии. Вывод комиссии: «Мы установили... что имеется халатность, и это признано А. Муталибовым, его неразборчивая и непродуманная кадровая политика, но нет предательства...» Истинные виновники трагедии установлены, но до окончания следствия их имена будут держаться в секрете.

После этого выступает ряд депутатов, говорящих о том, что принятие 6 марта отставки президента произошло под давлением и без достаточных оснований. Тут же происходит голосование, и решение от 6 марта отменяется («за» — 230 человек). Социал-демократ А. Ализаде даже предложил принять резолюцию, квалифицирующую события 6 марта как государственный переворот, чего всё-таки решили не делать. Тут же появляется Муталибов, назначается новый премьер, Рагим Гусейнов, распускается Национальное Собрание, выборы отменяются, политическая деятельность запрещается, объявляется военное положение. Муталибов произносит речь, в которой говорит: «Если стране нужен диктатор, чтобы спасти её от катастрофы, то я — такой диктатор»[111]. Царит ликование, все целуются, шейх-уль-ислам говорит: «Это —великий день», Гажди Абдул, лидер «Товбе» — «Мы видели, что имам Хомейни смог верой во всемогущего

Аллаха изгнать шаха, и сейчас мы нашей верой достигли подобного. Аллах Акбар!»[112]. Тут же Муталибов заявляет о том, что необходимо ратифицировать договор об СНГ[113]. Очевидно, был расчет на вмешательство российской армии, и какие-то основания для такого расчета были.

Далее, однако, события принимают новый оборот, вылившись в картину, пожалуй, наиболее близкую к образцам революционных событий прошлого — начала нашего века из всех картин политической борьбы, которые можно было видеть на территории бывшего СССР за последние годы (кроме, наверное, событий в Чечне, связанных со свержением Завгаева). У здания штаб-квартиры НФА собирается митинг, который становится всё больше, не расходится и ночью. Люди вооружены, появились даже какие-то бронемашины. Вся военная часть операции находится в руках Искандера Гамидова. Руководство НФА предъявляет Верховному Совету ультиматум — до 13 часов 15 мая отменить принятые накануне решения, и в 15 часов толпа с пением турецкого марша янычар движется к зданию Верховного Совета, где её встречает быстро подавленная стрельба с крыш (убит был один, а ранено два человека), после чего здание захватывается[114]. В 19 часов объявляется, что все войска переходят под контроль НФА, и в 21 час без штурма занимается президентский дворец, из которого уже бежали (как и А. Везиров — в Москву, на военном самолете) А. Муталибов и его окружение.

18 мая происходит новая сессия «опозорившегося» и деморализованного Верховного Совета (для кворума депутатов отлавливали и доставляли чуть ли не силой, — НФА стремился к соблюдению всех законных формальностей), на которой Я. Мамедов подаёт в отставку. Делается какая-то попытка в последнюю минуту вызвать из Нахичевани не поддержавшего муталибовский переворот Г. Алиева (депутаты из «номенклатурного» большинства хватаются за него, как за соломинку, он всё-таки лучше для них, чем НФА), но до него «не дозвонились» (Г. Алиев решил, очевидно, что его время ещё придёт и сейчас вступать в борьбу ему рано), и избирается все-таки народнофронтовец И. Гамбар, его заместителем становится Т. Караев. Депутаты оказывают отчаянное сопротивление, но после длительного обсуждения и трёх переголосований всё же вынуждены передать все свои полномочия Национальному Собранию, которое они за несколько дней до этого объявили распущенным.

В июне власть НФА легализуется выборами президента — первыми в истории Азербайджана после выборов в Учредительное собрание России в 1917 году демократическими выборами[115]. В выборах участвовало 76,3 процента избирателей. В Баку к урнам пришло только 67,9 процента. А. Эльчибей получил 59,4 процента. Его главным соперником был Н. Сулейманов, голосование за которого, очевидно, было скорее голо-

сованием против Эльчибея, и который, несмотря на фарсовый характер своей программы, получил 33 процента. За Я. Мамедова проголосовало 1,7 процента[116]. Наибольшее число голосов (88,19 процента) А. Эльчибей получил в Нахичевани, на родине, Я. Мамедов, набравший всего 1,7 процента, у себя на родине, в Кедабекском районе, получил 63,8 процента.

Победа НФА была победой более национальной и более деревенской части общества над более русифицированной и городской, хотя выступала эта «низовая» национальная масса — и в этом поразительная особенность азербайджанской политической жизни — под западническими и либерально-демократическими лозунгами, взятые её предводителями из идеологии республики 1918—1920 годов.

## 8. Правление Народного Фронта

К власти в Азербайджане приходит, очевидно, наиболее «революционная» по духу группировка, возглавляемая наиболее «идеалистическим» политиком, из всех групп и политиков, правящих в разных странах бывшего СССР. Президента окружают люди, в большинстве своем — такие же интеллигенты первого поколения, выходцы из деревни, как сам Эльчибей, как и он, не прошедшие по ступеням бюрократической иерархической лестницы и пришедшие к своим постам как революционные выдвиженцы. Это — П. Гусейнов, родившийся в селе, в семье колхозника, кончивший БГУ и бывший младшим научным сотрудником Института философии и права, ставший госсекретарем, а затем и премьер-министром, И. Ширинов, тоже родившийся в селе и кончивший БГУ, ставший госсоветником по правовой политике, А. Гаджиев, тоже родившийся в селе и кончивший БГУ (мы видим почти стандартную биографию, повторяющую эльчибеевскую), ставший госсоветником по работе с территориальными органами власти[117]. Министром иностранных дел стал физик Т. Гасымов, представителем Азербайджана в России — биофизик Х. Гаджизаде, министром обороны уже при Я. Мамедове стал преподаватель математики Р. Казиев, министром внутренних дел — бывший оперативник ОБХСС, дважды увольнявшийся со службы, И. Гамидов. Были сменены все главы исполнительной власти на местах. Это — нечто похожее на то, что было бы в России, если бы к власти пришла непосредственно радикальная «Демократическая Россия», вместо Ельцина был бы какой-нибудь отсидевший диссидент, а министром иностранных дел стал, скажем, Ю. Афанасьев или Л. Баткин. Естественно, это лишь некоторая аналогия, а не тождество, ибо «ДемРоссия» — в совершенно иной социальной и культурной среде и, следовательно, сама —

совершенно иная. И тем не менее аналогия здесь есть. Пришли «новые люди», не представители номенклатурной элиты, и, насколько мы себе представляем, такого бурного притока «новых людей» в руководство не было нигде в бывшем СССР (опять-таки, кроме дудаевской Чечни, где «новые люди», впрочем, были совсем другие)[118]. И первое время дела новой власти идут не так плохо.

В начале октября Милли Меджлис отвергает договор об СНГ, а А. Эльчибей совершает визит в Москву, где крайне раздражает московские власти тем, что ведёт себя как «настоящий» президент «настоящего» государства и даже ведёт переговоры через переводчика. Азербайджану удалось (что Эльчибей считал достижением и в чём с ним можно было бы согласиться, если бы мы не знали, как ему в конечном счете пришлось за это расплатиться) безболезненно, предоставляя офицерам, отъезжающим из Азербайджана, большие денежные компенсации за квартиры и принимая желающих остаться на военную службу, избавиться от расквартированной здесь российской армии (последняя часть покинула Гянджу в конце мая 1993 года, оставив Эльчибею «подарок» в виде Сурета Гусейнова).

В результате наступления летом 1992 года азербайджанцам удалось впервые нанести поражение армянам, заняв два района — первые и последние реальные успехи азербайджанской армии в войне. Новая власть смогла (в результате бурной и эффективной деятельности нового министра внутренних дел И. Гамидова, игравшего в народнофронтовской революции роль своего рода Ф. Дзержинского, расстреливавшего дезертиров и дававшего журналистам интервью с простреленной и перевязанной рукой)[119] сбить нарастающую волну преступности (естественно, имеется в виду неорганизованная преступность, проявляющаяся в убийствах, изнасилованиях, ограблениях) и приостановить обозначившуюся тенденцию к распаду, превращению районов в замкнутые и практически независимые «княжества», внутри которых кипит борьба кланов[120]. Несмотря на не очень определившуюся экономическую политику (народнофронтовцы испугались шедшей при Муталибове номенклатурно-криминальной приватизации[121], и темпы приватизации при них снизились[122]) и продолжающееся падение производства, правительству удалось скопить валютный и золотой запас и подготовить введение маната. Была проведена реформа системы поступления в вузы — введена тестовая система, практически исключающая коррупцию (что, естественно, вызвало колоссальное противодействие профессорско-преподавательского состава).

Не ясно, следует ли причислять к достижениям ряд символических культурных мер, призванных в соответствии с народнофронтовской идеологией подчеркнуть разрыв с русским «колониализмом» и вхождение в тюркский мир — возвращение латинского алфавита, принятие новых

официальных названий нации и языка — «азербайджанский тюрок» и «азербайджанский тюркский» (поскольку в азербайджанском языке нет отдельных слов для понятий «турок» и «тюрок», это звучало несколько двусмысленно)[123]. Но правительству удалось в основном погасить понятные страхи нацменьшинств перед этими проявлениями тюркского национализма принятием очень демократического закона о культурной автономии. В общем, определённый набор достижений у пришедших к власти народнофронтовцев был. Тем не менее постепенно начала выявляться социальная изоляция режима, отсутствие у него (несмотря на колоссальную «революционную толпу», сметшую Муталибова) прочной массовой базы.

А. Эльчибей ведет себя как вождь национально-демократической революции, которая должна вскоре охватить весь тюркский мир, и не боится бросить вызов могущественным врагам. Его ориентация — внешнеполитическая, идеологическая, культурная — естественно, на Турцию и Запад, причем Турция для него — это западная демократическая страна в тюркском и мусульманском мире. В своей речи во время поездки в Турцию, очень странно звучащей для русского читателя, у которого Турция всё ещё зачастую ассоциируется с янычарами, фесками и армянским геноцидом, он говорил: «Священна анатолийская земля, в которой покоится прах Мустафы Кемаля Ататюрка... Адама Мицкевича и других борцов за свободу. Стамбул всегда был открыт для всех, кому дороги идеи свободы»[124]. Эльчибей постоянно подчеркивал свои симпатии к Израилю и антипатии к фундаменталистскому Ирану, угнетающему южных азербайджанцев. Он отказывался войти в СНГ, но выражает солидарность с российской демократией и даже считает своим долгом послать Ельцину, когда ему угрожал импичмент, телеграмму поддержки (в которой Ельцин вряд ли нуждался и которую он явно не оценил). О среднеазиатских режимах он не стесняется высказываться следующим образом: «...Через несколько месяцев растущее там народное движение сметёт нынешнее руководство — сейчас невозможно задушить стремление народов к свободе»[125], и принимает у себя бежавших из Средней Азии диссидентов[126]. И не боясь дразнить Россию и проявляя «тюркскую солидарность», он посылает М. Шаймиеву в связи с принятием Татарстаном новой конституции длинную поздравительную телеграмму, в которой говорилось о колониальном угнетении, «героическом татарском народе» и о том, что «конец XX столетия знаменуется пробуждением и возрождением тюркского мира»[127].

Создается ощущение, что безусловные идеализм и искренность А. Эльчибея, помогавшие ему завораживать толпы, в какой-то мере привели его к утрате контактов с реальностью. Когда начинается революционный процесс в громадном регионе, страна, в которой первой победила революция, может бросить перчатку всем своим соседям сразу. Так было

с революционной Францией, затем — с Советской Россией. И Эльчибею, очевидно, представлялось нечто подобное — общетюркская национально-демократическая революция. Но её не произошло. Более того, и азербайджанская революция в значительной мере представляла собой вызванный особыми обстоятельствами стихийный бунт, перевести энергию которого в созидательное русло народнофронтовцы были не в состоянии.

Реальная поддержка народнофронтовской идеологии была очень слаба. Массовая поддержка НФА была связана не столько с тем, что народ действительно разделял народнофронтовский «западнический» вариант национализма, сколько с национальным подъёмом, вызванным войной в Карабахе. Но даже и этот подъём не был таким уж сильным и прочным. Азербайджан вспыхивал под влиянием толчков типа ходжалинского, и в этот момент народ мог свергнуть правителей и передать власть оппозиции (просто потому, что она — оппозиция), но дисциплинированности, сплочённости, способности переносить тяготы во имя общенациональной цели у него не возникало. Вспышки, которых уже было несколько, быстро гасли, и люди снова погружались в обычную жизнь маленьких клановых и локальных мирков, проявляя по отношению к новой власти уже не былой энтузиазм, а всё ту же безразличную лояльность, которая так долго проявлялась к Муталибову.

Самые культурно вестернизированные (русифицированные) слои бюрократии и интеллигенции вовсе не приветствовали царство народнофронтовских «выскочек», с ностальгией вспоминали недавнее прошлое, когда управляли «компетентные» люди (слово «компетентность» становится в это время любимым словом бакинской элиты). Люди с московскими связями, тем более — хорошо знающие русский и плохо — азербайджанский, тяжело переживали переориентацию на Турцию[128]. А сами «выскочки», даже если они разделяли идеи Эльчибея, психологически оставались, в большинстве своём, нормальными представителями своего общества. Может быть, даже психологически они были ещё менее готовы жить в условиях демократии, чем многие отстранённые ими «партократы».

Упрёки в новом авторитаризме раздаются со всех сторон, не только от старого врага НФА (и только совсем в давние времена, четыре года назад, что в эту бурную эпоху психологически воспринимается как древняя история — одного из его основателей) З. Ализаде[129], но ещё недавно — лидера народнофронтовской фракции в Верховном Совете Т. Караева[130] и перешедшего от идеи национальной диктатуры к позиции защитника правопорядка и прав личности Э. Мамедова[131]. И в этих упрёках есть своя правда.

Одним из проявлений поверхностности народнофронтовского демократизма было то, что собиравшиеся вначале провести вскоре после президентских выборов выборы в парламент лидеры НФА затем стали тянуть

с этим, предпочитая иметь дело с Национальным Собранием, запуганные коммунистические депутаты которого проявляли полное послушание (за что впоследствии народнофронтовцы и поплатились, ибо так же послушны эти депутаты оказались и силам, пришедшим к власти в результате гусейновского путча). Но если в вопросе о выборах они перешли от активности к осторожности и пассивности, то с назначением новых людей эволюция была прямо противоположная.

Вначале народнофронтовцы крайне осторожно подходят к назначениям на посты в государственном аппарате. Выступая перед телезрителями по программе «Останкино» в начале июля 1992 года А. Эльчибей говорит: «Мне хочется, чтобы вы поняли, что в Азербайджане не пришли к власти оппозиционные силы. Просто-напросто Президентом избран представитель НФА и в руководящий эшелон назначено несколько новых людей. В государственном аппарате Азербайджана работает более 5 тысяч людей. Новых людей в нем всего 120»[132]. (На своём посту первоначально был оставлен даже премьер, назначенный Муталибовым во время его однодневного майского правления — Р. Гусейнов.) Но постепенно ситуация меняется. Скрытое противодействие, даже своего рода бойкот элитой народнофронтовского руководства заставляет Эльчибея и его команду всё более производить смену аппарата. При этом, естественно, качество новых назначенцев снижается (на 120 должностей найти порядочных людей ещё кое-как можно, но на больше — сложно), а аппетиты растут. Постепенно стали сменять и назначать новых, как говорил, несомненно, преувеличивая, но преувеличивая реальные тенденции, Э. Мамедов, «даже до уровня бригадиров колхозов»[133]. Новые назначенцы, естественно, начинают воровать и окружать себя «своими», так что смена людей на руководящих и выгодных должностях начинает идти в геометрической прогрессии[134].

Возникает «снежный ком» — чем больше позиций занимают народнофронтовцы, тем более враждебной становится старая номенклатурная верхушка, естественно, сохраняющая влияние и значительную долю реальной власти. Но это влечёт за собой новые отставки и назначения.

Если мы примем во внимание неизбежно усиливающуюся при приходе к власти внутреннюю борьбу в НФА, соперничество лидеров, часть которых просто перешла в оппозицию, часть — в полуоппозицию, и все стали создавать свои собственные партии, так что число их перевалило за 50 и не иметь своей партии для политического деятеля стало просто неприлично, мы поймем, как стремительно стала уменьшаться поддержка Эльчибея и его команды.

Может быть, нигде все противоречия правления НФА не концентрируются с такой силой и не приобретают такой яркой и гротескной формы, как в деятельности И. Гамидова.

И. Гамидов — главный организатор восставших при свержении Муталибова, храбрый человек, преданный Эльчибею, страстный тюркский националист (он тоже создал свою партию, «Серые волки», имеющую связи с аналогичной пантюркистской организацией в Турции) и теоретически, идейно — демократ и сторонник правопорядка. Он начинает «героическую» борьбу с мафиозными кланами, которая, однако, очень быстро вырождается в своего рода рэкет, ибо общество коррумпировано насквозь и законная борьба с коррупцией просто невозможна, да и у самого И. Гамидова, как и у других народнофронтовских лидеров, правосознание — азербайджанское. Поэтому он просто приходит со своими людьми (он сколачивает свой отряд, формально входящий в полицию, фактически его личный) к известным миллиардерам и миллионерам и просит их отдать один из миллионов народу, т. е., занимается «революционным рэкетом», играя роль азербайджанского Робин Гуда, ставшего министром внутренних дел. И. Гамидов, довольно популярный в народе, вызывает ненависть в бакинской элите и страх, что он в конце концов, опираясь на своих вооружённых людей, сможет стать «революционным диктатором» (И. Гамидов, однако, был предан А. Эльчибею и, похоже, к диктатуре не стремился). Эта атмосфера ненависти к самому яркому народнофронтовскому «выскочке», воплощению «возомнивших о себе хамов» проявляется в газетной травле, на которую он стал отвечать в своем духе — являясь с телохранителями в редакции и собственноручно избивая редакторов и журналистов. После таких походов он заявлял, что поступал так не как министр, а как частное лицо, оскорблённый мужчина и обиженные могут подавать на него в суд[135]. В конце концов под всеобщим нажимом А. Эльчибею пришлось его сместить.

Таким образом, при всё бóльшем разочаровании народа, его усталости и возвращении в обычную азербайджанскую «дремоту», народнофронтовское руководство вызывает всё бóльшую озлобленность старой элиты. Возникает всё больше «новых» обиженных из бывших сподвижников. Складывается обстановка, всё более благоприятная для заговора, детали которого, естественно — в тумане, но, если так можно выразиться, социальные контуры которого более или менее через этот туман проглядывают.

## 9. Контрреволюция

Мы показываем некоторую последовательность событий, многие переходные звенья между которыми — неясны, но их общая логическая взаимосвязь очевидна. В феврале 1993 года А. Эльчибей, после нескольких неудач азербайджанской армии на севере Карабаха, отстраняет министра

обороны Р. Казиева и представителя президента в Карабахе полковника С. Гусейнова. Оба эти человека — выдвиженцы НФА, но Казиев стал министром обороны ещё до прихода к власти НФА. С. Гусейнов — директор шерстобитной фабрики, человек, отдавший своё состояние на войну, вооруживший на свои деньги отряд, отличившийся во время наступления в Карабахе и получивший от Эльчибея звание «национального героя», обычно дававшееся только посмертно[136].

С. Гусейнов отказывается подчиниться приказу и уходит со своим отрядом в Гянджу, где расположена последняя на территории Азербайджана российская воинская часть, которая должна быть выведена летом. Народнофронтовское руководство до ухода русских боится сунуться в Гянджу для разоружения Гусейнова, потому что может произойти какое-нибудь столкновение с русскими войсками, а это — осложнения отношений с Россией и задержка в выводе войск. Но отряд у Гусейнова не такой уж большой, и особого беспокойства по его поводу А. Эльчибей и его окружение не проявляют.

Между тем Эльчибей продолжает чистку армейского руководства. В апреле арестовываются заместитель министра обороны при Казиеве Б. Назарли, начальник финансового управления министерства Т. Аббасов и начальник финансовой части Т. Мамедов. При этом изымается полтора миллиона долларов и 20 миллионов российских рублей[137]. Это даёт некоторое представление о том, какие состояния наживались на карабахской войне (и поскольку вооружение шло не из Азербайджана в Россию, а из России в Азербайджан, мы можем предполагать, что российские состояния — во много раз больше)[138].

Очевидно, эта чистка — одна из причин свержения Эльчибея, ибо она непосредственно затронула многие материальные интересы и лишила Эльчибея поддержки военных.

Через несколько дней после отстранения Гусейнова и его ухода в Гянджу 12-го февраля происходит ещё одно событие, всё значение которого становится ясным лишь позже. Г. Алиев совершает поездку в Москву и Баку. О чём и с кем шли переговоры в Москве, мы не знаем, а в Баку Г. Алиев встречался с А. Эльчибеем и после этого заявил, что все должны сплотиться вокруг законно избранного президента. Встреча должна была, вроде бы, положить конец периоду отчуждения или даже конфронтации между Алиевым и НФА, наступившей после неудачной попытки нахичеванского НФА отстранить его. А. Эльчибей даже сказал позже, что Алиев воплощает ту часть старой номенклатуры, которая приняла новые, демократические правила игры[139]. После встречи с Эльчибеем Алиев гулял по Баку и проверял свою популярность — выяснилось, что популярность — есть, народ его приветствует.

Далее события разворачиваются так, что заставляют предполагать единый сценарий (хотя, конечно, утверждать о его наличии невозможно). 4 апреля начинается мощное наступление армян в Кельбаджарах, вызвавшее новые потоки беженцев. Очевидно, значительную роль в его организации сыграла Россия. Во всяком случае, когда по российскому телевидению была организована встреча азербайджанского и армянского представителей в Москве, азербайджанский, Х. Гаджизаде, заявил об этом, встретив со стороны своего армянского коллеги не возражение, а напоминание о том, что когда летом 1992 года наступали азербайджанцы, помогала тоже Россия.

Если все предшествующие военные поражения Азербайджана вызывали митинговые страсти, на этот раз ничего подобного не было. Народ явно устал от всего и не был готов ни восставать против Эльчибея, ни защищать его. На всякий случай, однако, Эльчибей вводит военное положение.

Ситуация, между тем, катастрофической ещё не была. Совет Безопасности ООН принял резолюцию, требующую ухода армянских войск с захваченных районов, и Армения, после долгих раздумий и терзаний, и даже армянские власти в Карабахе согласились с ней (в принципе). Эльчибей мог утешать себя тем, что военное поражение обернулось дипломатической победой.

Через некоторое время он предпринимает шаг, который, очевидно, нужно было предпринять задолго до этого. Он объявляет, что осенью будут выборы в парламент[140]. Если бы он дотянул до осени и выборы действительно состоялись, то положение его резко укрепилось бы при любом исходе выборов, ибо Азербайджан получил бы законченную систему легитимной демократической власти, ликвидировать которую было бы значительно труднее, чем свергнуть одного президента. Но естественно, что это решение вызвало панику среди депутатов — и членов Национального Собрания, и всего того партийно-хозяйственного актива, который был избран при Муталибове в Верховный Совет и при его самороспуске сохранил депутатские права (в том числе очень важное право депутатской неприкосновенности). Восстановление «законной власти» старого Верховного Совета становится лозунгом, сплотившим мятежников с представленными в этом Верховном Совете старыми властными местными элитами.

Катастрофа разразилась после того, как российская армия покинула Гянджу 28 мая (очень необычно для российской армии — раньше положенного срока). Сразу же были посланы войска разоружить мятежного полковника. Но не тут-то было. Полковник оказался вооружён до зубов. Впоследствии российский посол в Азербайджане Шония скажет, что российская армия передавала ему оружие не потому, что он мятежник, но потому что он — полковник азербайджанской армии. 4 июня происходит столкновение, в ходе которого было убито более 30 человек и азербай-

джанская армия потерпела сокрушительное поражение. После этого в Гянджу приезжает правительственная комиссия, которая тут же целиком С. Гусейновым арестовывается.

После этого С. Гусейнов посылает отряд к Баку, который идёт к столице, не встречая нигде никакого сопротивления, поскольку военное руководство заявляет, что в «братоубийственную войну» не вступит, требуя суда над виновниками гянджинской трагедии, оставки Эльчибея и созыва Верховного Совета (муталибовского). Идеология С. Гусейнова, если применительно к нему возможно такое слово (неясно, возникла она у него в ходе общения с российскими офицерами в Гяндже или была такой всегда), — это идеология неопределённо «антизападническая», включаюшая какой-то свой вариант идеи не то империалистического, не то масонского заговора (во всяком случае, он говорил, что и Тер-Петросяном, и Эльчибеем управляют одни и те же силы[141]) и ностальгии по спокойным временам Советского Союза. Так как он выступает за муталибовский Верховный Совет, он — скорее за возвращение Муталибова, чем за Алиева.

В этой ситуации А. Эльчибей обращается за помошью к Алиеву, фигуре, очень популярной у его врагов, имеющей большие связи в России и вроде бы совсем недавно объявившей о своей лояльности президенту. Алиев приезжает 9 июня в Баку, и встреча его с Эльчибеем сопровождается поцелуем. После переговоров с президентом он тут же отправляется в Гянджу на переговоры с Гусейновым. Переговоры безрезультатны. Гусейнов непреклонен.

В обстановке общего хаоса и растерянности надежды всех устремляются к Алиеву. 10 июня Иса Гамбар подаёт в отставку. 15 июня Милли Меджлис принимает решение: сначала ввести в свой состав Алиева, а затем, тут же — избрать его председателем на место Гамбара. За Алиева — 34, против — 2, 1 — воздержавшийся. Таким образом, Алиева поддержала и народнофронтовская часть парламента.

Эльчибея покинуло большинство его старых сторонников и соратников. Между тем Сурет Гусейнов приближается к Баку, требуя прежде всего ареста Эльчибея, и 17 июня (не хватило ровно одного дня до того, чтобы исполнился год его президентства) Эльчибей улетает в Нахичевань, в свою родную горную деревню Келеки. Как только Эльчибей улетел, так Алиев заявляет, что он возмущён его бегством от своего народа. 24 июня Национальное собрание делает Алиева и. о. президента, а 30 июня С. Гусейнов становится премьер-министром.

Муталибовский Верховный Совет Алиев все же не созывает, и сам Муталибов, который начал проявлять какую-то активность (были даже ложные сообщения, что он вернулся в Баку), остался не у дел. 29 августа всё это оформляется референдумом о доверии Эльчибею, в котором, по официальным данным, участвовало 83 процента избирателей, и за недоверие

проголосовали 92 процента. Недолгий период азербайджанского демократического эксперимента кончился.

Мы останавливаемся в нашей попытке описать основные события современной азербайджанской истории на падении Эльчибея и приходе к власти Алиева в конце определенного историчесного цикла — подъёма национально-демократического движения, его прихода к власти и его поражения и реставрации (как все реставрации в истории — частичной и неполной) власти «номенклатурной» элиты. Дальше началась новая эпоха, а сейчас, похоже, уже и она идёт к своему концу.

Цикл этот — не специфически азербайджанский, а, если так можно выразится, «общепостсоветский». Как подъём национально-демократических движений шёл единой волной по всему СССР, так и их спад и новое усиление старой элиты — это тоже общий процесс, начавшийся в Грузии свержением Гамсахурдиа.

Но специфика прохождения этого общего цикла — своя, неповторимая азербайджанская. Она настолько «своя», что функциональные аналоги в других странах, скорее всего, откажутся признать выполняющих сходную функцию азербайджанцев за «своих». (Очень трудно сказать, согласился бы, например, Бразаускас признать себя «литовским Алиевым», а Ландсбергис — «литовским Эльчибеем»). И действительно, аналогия здесь — очень узкая и ограниченная, ибо история отнюдь не сводится к циклу сначала победы радикальных выходцев из низшей интеллигенции над номенклатурой, затем — возвращения номенклатуры. В Литве мирная, конституционная победа Бразаускаса укрепила демократический процесс, в Азербайджане — разрушила его, открыв новый, «третьемировский» цикл диктатур, сменяющихся нестабильными и коррумпированными демократиями и другими диктатурами. Один и тот же процесс в разных организациях приводит к принципиально разным результатам.

Демократия в Азербайджане на этом цикле не состоялась. Она ярко «вспыхнула» и быстро «погасла» (или быстро была погашена). Причины этого — в состоянии азербайджанского общества и специфике его культуры. Мощная идеологическая традиция, идущая от республики 1918—20 годов, традиция тюркизма и европеизма, в сочетании с взбудоражившим общественное сознание внешним фактором привела к яркой вспышке национализма и демократии. Но глубокая культурная основа общества, не так уж отличающегося от среднеазиатских, сделала эту вспышку яркой, но непрочной, именно вспышкой, а не переходом к независимому демократическому государству.

Но здесь нужна оговорка — во всех такого рода рассуждениях, пытающихся найти логику в событиях недавнего, но все же прошлого, опре-

делить их «ритм», «модели» и т. д., есть опасность, вытекающая из имеющей глубокие психологические корни склонности людей рассматривать эти события прошлого, поскольку они стали неизменными, «застыли в вечности», как значительно более закономерные, чем они есть на самом деле. Недаром ученые политологи с такой «легкостью» объясняют прошлое и почти не делают (а если делают, то чаще всего — ложные) предсказания. Поэтому, всё-таки, нам кажется, что надо говорить не о невозможности победы демократии в Азербайджане после распада СССР, а лишь об ее очень малой вероятности. История всегда — один из бесчисленных возможных вариантов, и нам думается, что среди этих вариантов всё же был вариант, по которому Азербайджан уже сейчас, на этом этапе своего развития, вышел бы на дорогу стабильного демократического развития, не прерываемого спазмами диктатур. Может быть, прояви Эльчибей больше активности в поисках мира с армянами в благоприятный для Азербайджана период, проведи народнофронтовцы выборы в Верховный Совет, наконец, просто не прояви они беспечности по отношению к Сурету Гусейнову и т. д. и т. п., история Азербайджана могла бы пойти иным путем.

Прошлое не было полностью «запрограмировано», в нем лишь были более и менее вероятные варианты. Соответственно и будущее — открыто, не запрограмировано. В Азербайджане есть люди, и их не так уж мало, которые искренне и глубоко преданы идее азербайджанской демократии, продолжения традиции первой республики на мусульманском Востоке. Первая попытка построить такую демократию в постсоветский период не удалась. Но будущее — открыто, и всё ещё может удаться.

## Примечания

1 О проблеме социального влияния ислама см.: Ислам и общество: «Круглый стол» // Вопросы философии. 1993. № 3. См. также: Ан-Наим А. А. На пути к исламской реформации. М., 1999.

2 Насколько эти процессы затронули азербайджанскую массу — судить трудно, но практически несомненно, что лишь в относительно малой степени. Крупнейший исследователь истории Азербайджана нового времени Т. Свентоховский пишет: «В то время как интеллигенция претерпевала эволюцию, которая в быстрой последовательности вела её от панисламизма к тюркизму, а затем к азербайджанизму, массы оставались на уровне сознания уммы с её типичным безразличием к светской власти, иностранной или своей» (Swietochowski T. Russian Azerbaijan. 1905—1920. The Shaping of National Identity in a Muslim Community. Cambridge, 1985. P. 7—8).

3 Азербайджанский пантюркизм в начале века, как и затем, при Эльчибее, ориентировался на Турцию, как на самое сильное независимое мусульманское

тюркское государство, естественного лидера тюркского мира. Но в самой Турции пантюркистские идеи в начале века распространялись в громадной мере азербайджанцами — эмигрантами.

4 Лозунг доминировавшей в АДР партии «Мусават» — «исламизация, тюркизация, европеизация». Флаг республики, ставший теперь государственным флагом Азербайджана, состоит из трёх полос, где красная символизирует демократию, синяя — тюркизм и зелёная — ислам.

5 Крупнейший исследователь азербайджанской истории нового времени Тадеуш Свентоховский говорит в интервью: «Демократия является государственной традицией Азербайджана... Но я затрудняюсь сказать, отражал ли демократический строй АДР традиции всего азербайджанского общества или только его правящей верхушки» (Вышка. 1993. 28 мая).

6 В своей инаугурационной речи А. Эльчибей говорил: «В эти дни все мы с безграничным почтением вспоминаем май 1918 года, наших славных предшественников, первыми на Востоке объявивших об установлении республиканскго правления и выбравших прогрессивный путь демократического развития» (Бакинский рабочий. 1992. 17 июня).

7 «Первый драматург Востока, первые ласточки драматического и оперного театрального искусства, первая в Российской империи мусульманская газета, первый республиканский государственный строй (в этом последнем наш приоритет распространяется на весь мусульманский восток...» (Анар. Шелковый путь // Бакинский рабочий. 1992. 16 июня).

8 Фамилии первых четырёх руководителей азербайджанского ЦК КП — Киров, Гикало, Полонский, Рубен. Даже в 1925 году, после усиленных попыток воспитать туземные кадры, в азербайджанском партаппарате было 43 процента азербайджанцев, 38 русских, 18 армян. Для сравнения — в Армении в этот период 93 процента аппарата — армяне, в Грузии грузин — 73. См.: Altstadt A. L. The Azerbaijani Turks: Power and Identity under Russian Rule. Stanford, 1992. P. 122.

9 М. Д. Багиров смещён в 1953 году и расстрелян в 1956 году. С 1954 по 1959 год страной правит вроде бы самый «приличный» из азербайджанских первых секретарей агроном И. Д. Мустафаев, сопротивлявшийся решению ЦК сделать преподавание азербайджанского в школах с русским языком обучения необязательным и за это снятый. После него наступает эпоха немыслимой коррупции, связанной с именем В. Ахундова (1959—1969), затем — «алиевщина».

10 Даже в 1981 году в коммунистической партии Азербайджана азербайджанцев было только 66 процентов, хотя в населении — 74 (Altstadt A. L. Op. cit. P. 179).

11 В начале 70-х годов удельный вес азербайджанцев среди всех советских докторов и кандидатов наук был — 2,53 процентов и 2,07, что резко превышало удельный вес азербайджанцев в населении СССР (1,81). (Moreste U. Noukogude Eesti Teadlaskond Teaduse-Revolutsiooni Ajastul. Tallinn: Eesti Raamat, 1976. Lk. 57.) По этому показателю азербайджанцы — ближе к армянам и грузинам, чем к мусульманским народам Средней Азии. Однако эти цифры не должны вводить в заблуждение и создавать представление, что азербайджанцы — чуть

ли не самая культурная нация в СССР. В значительной мере они говорят лишь о громадном престиже научных степеней в коррумпированной азербайджанской номенклатуре. Очень характерно, что если среди докторов наук в 70-е годы в Азербайджане азербайджанцев — значительно больше, чем в населении (89,4 процента, в населении — 72,9), то среди кандидатов их — 83,8 (тоже больше, но уже не так), а среди ученых без степеней — 66,2, т. е. меньше, чем в населении (Moreste U. Op. cit. Lk. 58).

12 В книге И. Ибрагимова приводятся такие данные о Бакинском Политехническом институте (ныне Нефтяной Академии). В 1920 году при его создании из 10 профессоров и преподавателей 1 азербайджанец. В 1921 году из 66 — 3. С 1939 года во главе института — только азербайджанцы, но большинство азербайджанцев среди профессоров возникает только в 60-е годы. См.: Ибрагимов И. О моём времени. Баку, 1993. С. 177.

13 По народнофронтовски идеологизированно, но, на наш взгляд, верно говорит об этом Х. Гаджизаде. «Полное бесправие... противоправные „законы" и „подзаконы"... побудили общество к „самозащите", выразившейся в тотальной коррупции и круговой поруке». См.: Гаджизаде Х. Азербайджан — таковы мы сегодня: Рукопись. 1989.

14 Земцов И. Партия или мафия (разворованная республика). Paris, 1975.

15 За первые пять лет его деятельности было сменено две трети министров, 8 из 10 членов бюро ЦК, 13 из 14 начальников отделов ЦК, 37 из 45 секретарей райкомов. См.: Altstadt A. L. Op. cit. P. 180.

16. Бакинский рабочий. 1989. 12 окт. А вот как описывает ситуацию 1985 года ответственный работник ЦК КПАз Р. Гусейнов: «Практически ни один серьёзный жизненный вопрос — получение квартиры, поступление в вуз, операция в больнице, крупная покупка — не обходился без взятки» (Бакинский рабочий. 1991. 9 мая. С. 2).

17 Перепись 1989 года показала, что в АзССР 24 тысячи азербайджанцев, из них 18 тысяч — в Баку, считают родным языком русский (Национальный состав населения СССР. М.: Госкомстат, 1991. С. 21, 118). Надо учитывать, что 1989 год — год значительного национального подъёма, и реально число русскоязычных азербайджанцев, преимущественно представителей интеллигенции, было значительно больше.

18 См.: Национальный состав населения СССР. М.: Госкомстат, 1991. С. 28.

19 Азербайджанская республика. Некоторые экономические и социальные данные: Материалы агентства «Постфактум». 1991.

20 Кулиев Т. Национальное и интернациональное // Бакинский рабочий. 1990. 23 февр. С. 2.

21 Дважды в азербайджанской истории армяне, народ с совершенно иной культурой, чем их соседи-азербайджанцы, и очень сильным национальным самосознанием, выступал в роли катализатора национальных процессов в Азербайджане. В период первой русской революции первая националистическая организация азербайджанцев, «Дифаи» («Защита», 1906) и «Мудафийе» («Оборона», 1907) (см.: Багирова И. С. Политические партии и организации Азербайджана в начале XX века. Баку: Елм, 1997) создаются прямо для противодействия дашнакским

отрядам и деятельности уже давно существующих армянских националистических партий. В перестроечную эпоху армяне в громадной мере сыграли такую же роль.

22 В Азербайджане бытует версия, что перед сумгаитским погромом из Сумгаита выехали богатые армянские цеховики и, наоборот, приехали кинооператоры, снявшие фильм о Сумгаите. «Так и остались анонимными операторы, которые хладнокровно снимали сумгаитские события с первых минут погромов. Буквально через несколько дней все европейские телекомпании прокручивали эти записи». См.: Гусейнов Р. Карабахская трагедия // Бакинский рабочий. 1991. 2 нояб. С. 3. См. также: Люкимсон П. Нагорный Карабах: хроника конфликта (записки бакинского еврея) // Свобода. 1992, 3 июля.

23 Очевидно, не случайно, что погром произошёл именно в Сумгаите, молодом, возникшем в послевоенный период промышленном центре с массой вредных производств и такой экологической ситуацией, что в Азербайджане бытовала шутка, будто сумгаитцы могут выжить в газовых камерах. И. Земцов в книге, изданной задолго до сумгаитских событий, рисует Сумгаит страшным городом с люмпенизированным населением и громадным уровнем преступности: «От основания Сумгаита — с 1947 года — тяжело ранено 11 тысяч 108 человек. Насильственной смертью погибло за эти годы больше людей, чем их родилось в 1972 году — 6 тысяч человек» (Земцов И. Указ. соч. С. 61). В 1964 году в Сумгаите уже произошёл стихийный бунт городских низов, связанный с продовольственными нехватками. О социальном облике погромщиков даёт представление информация о шести осужденных за сумгаитские преступления, опубликованная в газете «Вышка». Н. Сафаров, 1962 г. р., родился в Сумгаите в многодетной семье; Г. Мамедов, 1967 г. р., родился в Шемахинском районе, в семье рабочего, окончил сумгаитское ПТУ, был в армии; В. Гусейнов, 1966 г. р., из семьи рабочего, 2 года отсидел за хулиганство; Н. Наджафов, 1963 г. р., из семьи рабочего, из армии комиссован из-за психических нарушений, судим; Э. Гянджалиев, 1965 г. р., из семьи рабочего, инвалид 2-й группы, туберкулезник и диабетик; А. Исаев, 1962 г. р., из многодетной семьи, был в тюрьме за воровство. К этому же слою принадлежал и таинственный Э. Григорян, вроде бы отличавшийся особой жестокостью, он тоже из семьи рабочего, и два его брата сидели в тюрьме. См.: Вышка. 1990. 14 янв. С. 7.

24 Естественно, что в азербайджанских СМИ и официальных выступлениях всегда делался упор на роли в погромах беженцев. См., например: Муталибов А. Н. Разоблачать ложь, рассказать правду: Пресс-конференция А. Н. Муталибова // Бакинский рабочий. 1991. 18 мая. С. 1. С 1988 по 1991 годы в Азербайджан прибыло 51224 семьи (238524 чел.). Из них — 187142 чел. из Армении, 7031 из НКАО, 50000 — турок-месхетинцев. См.: Бакинский рабочий. 1991. 2 нояб. С. 3. В Баку появившиеся здесь изгнанные из Армении крестьяне испытывали культурный шок и возмущение виденным. В конце 1988 года молодые парни из «Арменистана» останавливали на улицах девушек в миниюбках, стыдили их и издевались над ними — нечто неслыханное в этом космополитическом и «европейском» городе. См.: Вышка. 1989. 2 сент.

25 Как это всегда бывает, мифологические построения одной из враждующих сторон принимаются за чистую монету другой стороной (хотя, естественно, оцениваются противоположным образом). Миф порождает контрмиф. В Азербайджане охотно цитировалась хвастливая речь французского певца и деятеля армянской диаспоры Шарля Азнавура: «С армянской общиной считаются президенты США и арабские шейхи, аргентинские латифундисты и западноевропейские миллионеры» (Бакинский рабочий. 1989. 21 нояб. С. 3).

26 Даже в сентябре 1990 года, когда направление идеологического развития Азербайджана уже было ясным, Г. Старовойтова, выступая по радио «Свобода», говорит: «Азербайджанский народ является молодым этносом и поэтому не имеет своей идеологии, он только ищет ее. Я думаю, что он выберет исламский фундаментализм» (Бакинский рабочий. 1991. 26 сент. С. 3). Ощущение полной бессмысленности каких-либо опровержений потоку необъективной информации, идущему со страниц центральной прессы, хорошо передает статья Э. Ахундовой «Разговор по существу». См.: Бакинский рабочий. 1990. 13 марта. С. 4.

27 Вот ряд цитат из речей азербайджанских лидеров, иллюстрирующих эту заговороманию. «Республика не сразу попала в то состояние, в котором сегодня находится. Складывается такое впечатление, что какие-то, очень умело скрытые от народного видения лица создали целую систему последовательных ошибок, приведших к этому». (Выступление Г. Гасанова на партхозактиве в Баку 08.01.90 г. // Черный январь. Баку—1990. Баку, 1990. С. 52). «Азербайджан последние четыре года чувствует свое одиночество, словно заговор существует, какой-то тайный план осуществляется пункт за пунктом» (Интервью А. Н. Муталибова // Комсомольская правда. 1992. 5 марта). Подобного рода цитат можно привести еще очень много.

28 Совершенно неясно, существует ли какая-то связь между падением в 1987 году Алиева и началом в этом же году широкомасштабного армянского политического и пропагандистского наступления на Азербайджан. Может быть, и есть. Характерно, что в мемуарах М. С. Горбачёва об этом событии ничего не говорится. Во всяком случае, в Азербайджане многие убеждены, что Алиева «столкнули» армяне из горбачёвского окружения, готовившие «карабахскую операцию». См. интервью 30 лет прослужившего постпредом Азербайджана в Москве Э. Гусейнова (Бакинский рабочий. 1992. 27 мая. С. 1), а также интервью бывшего зам. министра внутренних дел Азербайджана Г. Нашаева, который говорит: «...проблема Нагорного Карабаха возникла именно в то время, когда Гейдар Алиев был отправлен в отставку» (Рабочая трибуна. 1993. 11 сент.) Временное совпадение (или взаимосвязь) этих событий сыграло большую роль в усилении популярности Г. Алиева, которому, несомненно, именно его вынужденная отставка дала возможность затем продолжить карьеру.

29 И. Ибрагимов пишет, что в это время Г. Алиев стал опасаться А. Везирова и говорил ему, что сделал бы его секретарем, но ему не дал это сделать И. Ибрагимов, что сам И. Ибрагимов отвергает как гнусную ложь. См.: Ибрагимов И. Указ. соч. С. 166—167.

30 «Немало прежних руководителей Азербайджана были пропитаны, повязаны сделками, продажным аппаратом», — говорит А. Везиров на собрании партактива в январе 1989 года. Далее он сообщает, что к партийной и административной ответственности привлечено 2532 чел. См. Вышка. 1989. 15 янв.

31 См., например, статью Э. Алиевой «Долгая дорога к истине» (Бакинский рабочий. 1989. 4 авг. С. 3) о бывшем первом секретаре Сумгаитского РК КПСС Н. Балакишиеве, ложно обвинённом в коррупции. (О характере азербайджанского интеллигентского общества даёт представление следующий приведённый в статье факт — стенограмма заседания учёного совета, присудившего Н. Балакишиеву кандидатскую степень, решение того же совета о лишении его этой степени и ходатайство о восстановлении этой степени подписаны одними и теми же людьми.) См. также статью В. Велиева «Коррупция» о следователе М. Кулиеве и прокуроре Г. Мамедове, вступивших в борьбу с родственниками Г. Алиева зав. отделом административных органов ЦК КПАз. С. Гусейновым и его братом зампредом КГБ Б. Гусейновым (Бакинский рабочий. 1989. 10 сент. С. 3.). О восстановлении Балакишиева и Мамедова в партии см.: Вышка. 1989. 19 янв.

32 Родственный принцип в назначениях Везирова присутствовал во много раз в меньшей степени, чем при Алиеве. Тем не менее Азербайджан есть Азербайджан, и совсем не присутствовать он не мог. Так, родственник А. Везирова, простой оперативник, становится начальником управления МВД. См.: Зеркало. 1993. № 47(220).

33 События, связанные с возникновением НФА, изложены в статье Айдына Балаева «НФА. Историческая хроника 1988—1992» (Свобода. Приложение № 1).

34 А. Везиров на собрании партактива в январе 1989 года говорит о «программных документах НФА, переписанных из документов НФ Эстонии, поступающих через Ереван» (Вышка. 1989. 15 янв. С. 1—2.) То, что они поступали через Ереван — сомнительно, но что они переписаны из эстонских документов — очевидно.

35 Зеркало. 1991. № 42(62).

36 Нам известны два совершенно противоположных описания ноябрьско-декабрьских митингов, сопоставление которых очень интересно. Одно из них — участника митинга Р. Мустафаева (Мустафаев Р. Свобода и насилие // Бакинский рабочий. 1991. 5 дек. С. 3). Р. Мустафаев изображает спокойных мирных людей, среди них женщины и даже дети, на которых вдруг направляются со всех сторон прожекторы и идут солдаты. Второе описание — дневниковые записи некоего анонимного еврея из Баку, уехавшего затем в Израиль и там их опубликовавшего. Как и многие бакинцы, азербайджанского языка он не знает. Ему представляется совершенно иная картина — портреты Хомейни (если они и были, то, очевидно, из «эпатажных» соображений), выступающие на митинге палестинцы (из людей, с которыми нам доводилось говорить, никто ни о каких палестинцах не помнит) и угрозы, что сначала расправятся с армянами, а затем — с евреями (на деле никакого антисемитизма азербайджанцы не проявляли) (Бакинский дневник // Ной: Армяно-еврейский вестник. М., 1992. № 1). Дневник анонимного автора интересен не столько сообщёнными в нём

фактами (сомнительными), сколько переданным в нём ощущением ужаса от тёмной, непонятно что кричащей на своём непонятном языке «восточной» толпы — ощущением, которое в эти дни было не только у не знающих азербайджанского евреев и русских, но, очевидно, и у многих обрусевших бакинских азербайджанцев.

37 Умерший в этом году А. Эльчибей — человек безусловно идеалистический и искренний, отличавшийся удивительным (особенно для Азербайджана) бескорыстием, буквально до дня инаугурации жил на седьмом этаже типичной бакинской «хрущёбы», вдобавок — и не в своей квартире (своей у него просто не было), а квартире брата. Однако идеализм Эльчибея, несомненно, переходил в «отрыв от реальности». На посту президента, о чём мы будем говорить в дальнейшем, он порой проявлял почти полное отсутствие элементарной «дипломатичности». Об А. Эльчибее см.: Мамедов С. Верю в торжество демократии // Бакинский рабочий. 1992. 6 июня. С. 2.

38 «Беженцы, разуверившиеся в скором удовлетворении своих насущных проблем, стали наиболее активной частью Народного Фронта, составляли его радикальное крыло» (Дашдамиров А. Демократия и насилие несовместимы // Бакинский рабочий. 1990. 14 февр. С. 4).

39 Например, будущий министр иностранных дел физик Т. Касумов говорит: «В то время как Азербайджанская ССР дает в союзный бюджет в 5 раз больше отчислений, чем Прибалтика, Армения и Грузия, вместе взятые, бюджет нашей республики меньше бюджета Грузинской ССР и чуть больше Армянской ССР», — и требует создания своей армии. См. Бакинский рабочий. 1989. 27 сент. С. 3.

40 Келлер Б. Два года, которые потрясли Баку // Хазар. 1990. № 4. С. 50.

41 Бакинский рабочий. 1992. 18 янв. С. 2—3.

42 Гусейнов Р. Карабахская трагедия // Бакинский рабочий. 1991. 2 нояб. С. 3.

43 Черняев А. С. Шесть лет с Горбачёвым. М., 1993. С. 249.

44 Официальные биографии А. Муталибова и Г. Гасанова см. в: Бакинский рабочий. 1990. 27 янв. С. 1.

45 Никакого скрытого умысла — мы строим светское государство: Беседа А. Н. Муталибова с собкором «Литературной газеты» Э. Ахундовой // Бакинский рабочий. 1992. 7 февр. С. 3.

46 Г. Гасанов приобрел популярность резкими «антимосковскими» выступлениями. На заседании комисии ЦК по вопросам социально-экономического развития в августе 1989 года он говорит об эксплуатации Москвой Азербайджана: «Слово „дотация", переводимое на русский как „дар", мне кажется... неуместным. Разве можно считать подарком лекарство для человека, подорвавшего здоровье в какой-то мере и по вине дарителя?» (Бакинский рабочий. 1989. 15 авг.). На партхозактиве 8.01.1990 года он говорит: «Недоверие к центру и к нам со стороны народа переплелось в единое целое. В любом из нас, в должностном лице, видят человека, предпочитающего угодничество перед центром авторитету перед народом. В нас, должностных лицах, видят лиц, предпочитающих закрепление на занимаемых должностях защите интересов народа. Нас называют, в полном смысле этого слова, манкуртами» (Черный январь:

Документы и материалы. Баку, 1990. С. 56). Очевидно, Г. Гасанов был тем партийным деятелем, который наиболее приближался к типу Кравчука, Бразаускаса, Рюйтеля, Горбунова. Также очевидно, что его относительная нелояльность Москве была причиной того, что центр выбрал на роль главы Азербайджана не его, а Муталибова. При Я. Мамедове был назначен представителем Азербайджана в ООН. В период правления НФА И. Гамидов, тогдашний министр внутренних дел, заявил, что он — один из главных коррупционеров, обворовывавших государство. Назывались даже конкретные суммы — 10 процентов со всех производимых по лицензиям экспортно-импортных операций и 30 млн долларов личного состояния (Вышка. 1992. 17 сент. С. 1). Тем не менее никаких мер против него предпринято не было, и весь народнофронтовский период он отсиделся в Нью-Йорке. С приходом к власти Г. Алиева стал министром иностранных дел, но затем был смещён с этого поста из-за не до конца выясненных махинаций с иностранными инвесторами при строительстве отеля.

47 Поддержка Муталибова населением разбогатевших на торговле вывозимыми в Россию цветами апшеронских («подбакинских») традиционно религиозных сел была связана как с чисто клановым моментом (поддержка бакинцами бакинца), так и с социально-экономическими причинами. Проводя в жизнь общесоюзную политику поддержки кооператоров, Муталибов узаконил их деятельность и в какой-то мере освободил от поборов.

48 «Гардашлыг» и «Товбе» — организации, опирающиеся на очень традиционалисткие и религиозные слои, с определёнными проиранскими, прохомейнистскими симпатиями. Таким образом, всячески подчёркивавшего свой «европеизм» и пророссийского Муталибова поддерживали как раз те традиционалистски шиитские элементы, страх перед которыми был одним из пропагандистских (и в значительной мере — реальных) оснований для подавления Москвой НФА.

49 Бакинский рабочий. 1990. 23 июня.

50 Бакинский рабочий. 1990. 29 авг. С. 3.

51 «Знаете ли, — рассказывает Вафа Гулузаде, тогда правая рука Муталибова, — президент, впрочем, как и я сам, всегда был верующим, просто раньше мы были вынуждены это скрывать» (Азеры грезят о великом Азербайджане? // Зеркало. 1992. № 6(78). С. 5. [Перепечатка из «Жорналь де Женев»]).

52 Независимая газета. 1992. 2 апр. С. 3.

53 Уже в конце своего правления он сделает такое заявление: «...Вся идеология перестройки осмыслена в строго определённом направлении, а камуфляж, все эти надуманные выражения о социалистическом выборе и коммунистической перспективе, были рассчитаны на то, чтобы не ввергать общество в шок. Мне представляется, что где-то в 1986 году надо было собрать партию и честно сказать, что мы идём на многопартийность, на частную собственность, что Запад нас с однопартийной системой не примет» (Никакого скрытого умысла — мы строим светское государство: Беседа А. Н. Муталибова с собкором «Литературной газеты» Э. Ахундовой // Бакинский рабочий. 1992. 7 февр. С. 2).

54 «Горше и обиднее всего, что словесная мишура, „демократический“ антураж (речь идет о карабахском армянском движении) околдовали даже таких великих людей, как А. Д. Сахаров и А. И. Солженицын» (Видеть и находить то, что нас объединяет: Интервью А. Муталибова // Бакинский рабочий. 1991. 14 июня).

55 «Не случайно к ним (Народному Фронту. — *Д. Ф., А. А.*) примкнуло так много подозрительных личностей, деклассированных элементов, откровенных уголовников… Пока что мы не видим сил и личностей, имеющих нравственно-политическое право претендовать на власть и, самое главное — обладающих необходимым опытом, интеллектуальным потенциалом, чтобы руководить такой республикой, как наша…» (Доклад А. Н. Муталибова на XXII съезде КП Азербайджана // Бакинский рабочий. 1990. 9 июня. С. 1).

56 А. Муталибов запугивает бакинскую верхушку, говоря, например: «Неспроста сегодня среди определённой части сравнительно молодых людей муссируется тема физического уничтожения „аппаратчиков“, номенклатуры». (С чувством ответственности за судьбы народа: Интервью А. Н. Муталибова // Бакинский рабочий. 1990. 1 нояб. С. 2.) Никаких данных в поддержку этого тезиса он не приводит, и вполне возможно, он эту «тему» просто выдумал для усиления эффекта.

57 Наш путь — национальное единство и сотрудничество: Интервью А. Н. Муталибова // Бакинский рабочий. 1990. 29 авг. С. 1.

58 «Во многом эти (нигилистические. — *Д. Ф., А. А.*) тенденции связываются с тем, что нам „говорит и показывает Москва“, но ведь у нас должен быть свой подход, свой анализ, свои традиции и особенности» (Бакинский рабочий. 1990. 29 авг. С. 1). «…Многие процессы, разворачивающиеся зачастую стихийно, ничего общего не имеют с идеями перестройки… четкой программы, ориентиров и целей так и не выработано все эти годы» (Бакинский рабочий. 1990. 1 нояб. С. 2). «Заварить кашу, не разобраться в том, что происходит у себя под носом, я имею в виду центр… это мы умеем» (Бакинский рабочий. 1991. 18 мая. С. 1).

59 Бакинский рабочий. 1990. 1 нояб. С. 1.

60 Бакинский рабочий. 1990. 9 июня. С. 2.

61 Бакинский рабочий. 1990. 16 июня.

62 Вышка. 1990. 5 авг. С. 6.

63 А. Муталибова и социал-демократов объединяет принадлежность к одной социально-культурной общности, проявляющаяся в общем тоне их выступлений. Выше цитировалось высказывание Муталибова о необходимости возвращения к классическому марксизму. А вот «параллельное» высказывание А. Ализаде: «Я не могу огульно хаять коммунистическую идею вообще. Когда мне говорят, что коммунистическая партия полностью уйдёт с арены, я скептически улыбаюсь: общество как улей, в нем много ячеек, есть ячейка и для компартии» (Нужно единство демократических сил: Беседа с А. Ализаде // Бакинский рабочий. 1990. 28 сент. С. 2). «Мы, социал-демократы, — говорит А. Ализаде, — выступаем за конструктивную оппозицию властям» (Бакинский рабочий. 1990. 4 окт. С. 3).

64 В муталибовский период газеты одна за другой публиковали их интервью, в то время как не только интервью А. Эльчибея не публиковалось, но практически вообще в газетах не встречалось его имени. Сам Муталибов так высказывался о социал-демократах: «Есть у нас и социал-демократы. Руководитель этой партии — Араз Ализаде, которого я в принципе уважаю и очень часто контактирую с ним…» (Бакинский рабочий. 1991. 18 мая). При этом надо отметить, что постоянно печатавшийся брат Араза, Зардушт Ализаде, действительно является одним из лучших азербайджанских публицистов и на азербайджанском, и на русском языках.

65 Бакинский рабочий. 1990. 24 апр. С. 3.

66 Бакинский рабочий. 1991. 9 мая. С. 2.

67 Заведующий отделом организационно-партийной и кадровой работы БК КПАз Ф. Якубов приводит следующие данные. Среди ушедших в 1990 году из партии 56,4 процента рабочих, 6,3 колхозников, 30,3 служащих, 7 процентов пенсионеров и домохозяек. Принято в 1990 году 6595 человек, удельный вес рабочих среди принятых снизился по сравнению с 1989 годом с 59,2 процента до 21,4, служащих возрос с 25,5 до 60,5 процента (Кто сегодня в наших рядах? // Вышка. 1991. 27 марта. С. 1).

68 Доклад мандатной комиссии Верховного Совета // Бакинский рабочий. 1991. 7 февр. С. 1.

69 Джафаров М. Каким будет депутатский корпус // Бакинский рабочий. 1990. 27 сент. С. 1.

70 О давлении местных властей см.: Аблуллаева С., Азизов Н. Парламент Азербайджана: каким он будет? // Бакинский рабочий. 1990. 15 авг. С. 2. В статье Н. Балакишиева «Скрытая» изощренность» подробно описан один эпизод такого давления и подтасовок. Из статьи очевидно, что они осуществлялись не по инициативе Баку, а местными кланами (см.: Бакинский рабочий. 1990. 16 авг. С. 2); см. также статью «Голосование — тайное, подсчеты — втёмную» М. Ибрагимова — о том, как во время подсчета голосов в трудные минуты гас свет (Бакинский рабочий. 1990. 19 окт. С. 2). Давление местных властей признал и сам А. Муталибов (см. Бакинский рабочий. 1990. 27 авг. С. 1). Ради справедливости надо отметить, что при всех этих эпизодах по сравнению с парламентскими выборами при Алиеве они — едва ли не образец честных и демократических выборов.

71 Список опубликован в газете «Бакинский рабочий» от 7 октября 1990 года.

72 Шарифов А. Коней на переправе не меняют // Бакинский рабочий. 1990. 1 авг. С. 2.

73 Бакинский рабочий. 1991. 7 февр. С. 1.

74 Бакинский рабочий. 1990. 12 окт. С. 3.

75 «Сожалею, — говорит он в интервью, — что в депутатском корпусе мало будет экономистов, юристов, правоведов, политологов» (Бакинский рабочий. 1990. 1 нояб. С. 1).

76 Политолог Э. Намазов писал: «Около 30 депутатских мандатов НФА — это холодный душ для тех, кто рассчитывал если не на прибалтийский, то по крайней мере на „молдавский“ исход дела» (Азадлыг. 1991. 1 нояб.).

77 Вот часть этого списка: Векилов Ю., редактор журнала «Азербайджан»; Гаджиев А., редактор Закатальской местной редакции радиовещания; Гасанова М., директор сельской средней школы; Ажалилов А., доцент БГУ; Караев Т., зам. декана юридического факультета БГУ; Керимов Т., народный судья; Наджафов Н., редактор газеты НФА «Азадлыг»; Ханларова З., солистка театра оперы и балета им. Ахундова; Муталимов М., преподаватель политехникума; Алиева Д., зав. сектором Института литературы; Вагабзаде Б., профессор БГУ; Гамидов И., старший уполномоченный ОБХСС; Казиев Р., доцент инженерно-строительного института; Мамедов Э., преподаватель БГУ. Есть точка зрения, согласно которой Муталибов в какой-то мере «подобрал» депутатов НФА, т. е., понимая, что совсем без народнофронтовцев парламент будет выглядеть неубедительно, он постарался, чтобы были избраны «приличные». Х. Гаджизаде пишет, что он «позволил тридцати приличным, на его взгляд, демократам быть избранными в парламент» (Гаджизаде Х. Прощание с парламентом // Свобода. 1992. 12 марта. № 11(27)).

78 В цитируемой выше статье Э. Намазова приводятся следующие цифры результатов опросов: в феврале 39 процентов были полностью удовлетворены деятельностью НФА, и 40,4 считали, что только НФА способен вывести страну из кризиса, а в мае соответственно — 12,5 и 11,5 процентов.

79 Вышка. 1990. 2 окт. С. 2. После январских событий Г. Алиев вышел из партии и стал верующим — «...Перемена участи, тяжелейшие испытания привели меня к вере в Бога» (Алиев против Алиева // Известия. 1993. 4 авг.). Таким образом, к вере пришли оба крупнейших руководителя азербайджанских коммунистов — и Алиев, и Муталибов.

В этот период Алиева интервьюирует Томас Гольц, так передающий позже его слова: «Возьмём, например, Муталибова. Я лично против него ничего не имею. Но он червь, двуличный, лжец. Он наполнил парламент партократами. 85 процентов из них — коммунисты». В этом же интервью он говорит, что не имеет никакого отношения к аресту Эльчибея в 1975 году, поскольку был в это время не руководителем КГБ, а первым секретарём ЦК. И очень хорошо относится к НФА. См.: Goltz T. Azerbaijan Diary. Armonk; London, 1998. P. 71.

80 А. Муталибов пытался отстранить Г. Алиева, но нахичеванцы не выдали его. Впоследствии Г. Алиев вспоминал: «...когда Нахичевань отказалась участвовать в выборах Муталибова, он послал к нам десант из офицеров, чтобы арестовать меня. Я выступил по телевидению и заявил, что если они к утру не уберутся восвояси, поднимется народ и им несдобровать. Что ж — убрались» (Известия. 1993. 4 авг. С. 5).

81 Бакинский рабочий. 1991. 20 марта. С. 1; 27 марта. С. 1.

82 Бакинский рабочий. 1991. 18 сент. С. 1.

83 Бакинский рабочий. 1991. 11 сент. С. 1.

84 Бакинский рабочий. 1992. 9 янв. С. 1.

85 НФА заявил, например, что в выборах президента участвовало 30 процентов (см.: Зеркало. 1991. № 37(57). С. 7). Но этой цифре, на наш взгляд, также нельзя доверять, как и официальной.

86 А. Мамедов, один из не народнофронтовских, но относительно либеральных депутатов (один из очень немногих депутатов-ученых), говорит, косвенно признавая недемократичность выборов: «Хотя демократическое крыло и находится в парламентском меньшинстве, на него ориентирована значительная часть населения, и хорошо, что многие парламентарии осознают эту реальность» (Бакинский рабочий. 1991. 1 марта. С. 2).

87 Бакинский рабочий. 1991. 8 марта. С. 1.

88 Идеологически В. Поляничко представлял собой фигуру очень интересную и несколько таинственную. В обращении, которое он написал после «трагедии у черной деревни» — уничтожении армянскими боевиками в ноябре 1991 года вертолёта с членами правительственной комиссии Азербайджана на борту, погибшие называются «нашими дорогими великомучениками». В обращении говорится: «Азербайджанский народ пережил всё, что может сатана послать на землю. Сепаратистов и террористов подбадривали из центра: действуйте, мы вас поддержим — и кровь лилась! Аллах всё видит и знает! Бог всё знает и видит!.. У центра была одна политика: навязывать везде свой диктат, вмешиваться, учить, как надо жить, расставлять своих эмиссаров, чтобы они руководили нацменьшинствами. Хватит!» (Бакинский рабочий. 1991. 23 нояб. С. 2). Убийство Поляничко на Северном Кавказе — ещё одна из тайн, так и не раскрытых до сих пор.

89 После провала путча Азеринформ делает специальное заявление о том, что если Муталибов и критиковал Горбачева, то «...эта его позиция полностью совпадала с позицией ведущих демократически мыслящих политических деятелей страны, в том числе и Б. Н. Ельцина — решительного сторонника незыблемости республиканских границ» (Бакинский рабочий. 1991. 23 авг. С. 1).

90 Бакинский рабочий. 1991. 3 сент.

91 Бакинский рабочий. 1991. 17 сент.

92 Госсекретарь Т. Исмаилов, заместитель премьера З. Гаджиев, госсоветник М. Асадов, генеральный прокурор И. Гаибов, заведующий отделом аппарата Президента О. Мирзоев, помощник госсекретаря Р. Мамедов, прокурор НКАО И. Плавский и другие лица. См. «Бакинский рабочий», 22.11.1991. История с уничтожением вертолёта — в высшей степени таинственная, как, впрочем, и многие истории, связанные с карабахским конфликтом. На месте были обнаружены не все тела летевших на вертолёте, причём обнаруженные были в таком состоянии, что идентификация их была невозможна. Чёрный ящик, забранный в Москву, по информации московских следователей, также обгорел до такой степени, что не дал никакой информации. Между тем в азербайджанской прессе были сообщения, основанные, конечно на слухах, что кто-то из пропавших людей, чьи тела не обнаружены и не идентифицированы, находится в армянском плену. См.: Ени Мусават. 1999. 20, 24 нояб.

93 Бакинский рабочий. 1992. 21 февр. С. 1.

94 Бакинский рабочий. 1992. 6 марта. Уже после своего второго изгнания, находясь в эмиграции в Москве, он заявит, что ходжалинскую резню специально устроили, опять-таки, чтобы свалить его, народнофронтовцы. «Как говорили те ходжалинцы, которые спаслись, это всё было организовано для того, чтобы

был повод для моей отставки. Какая-то сила действовала для дискредитации президента» (Я — гуманист в душе: Интервью А. Муталибова // Литературная газета. 1992. 2 апр.). См. также: Goltz T. Op. cit. P. 136.

95 Бакинский рабочий. 1992. 7 марта.

96 Бакинский рабочий. 1992. 10 марта.

97 Бакинский рабочий. 1992. 18 марта.

98 Как сообщает Томас Гольц, у Я. Мамедова было прозвище — «Доллар Мамедов», говорившее об его методах, как ректора, набора студентов. См.: Goltz T. Op. cit. P. 134.

99 Быть реалистом в политике: Беседа с Я. Мамедовым // Бакинский рабочий. 1992. 5 июня.

100 Ельцин один способен остановить войну: Интервью Я. Мамедова // Бакинский рабочий. 1992. 3 апр.

101 Необходимы дисциплина, законопорядок и единство // Бакинский рабочий. 1992. 18 марта.

102 Бакинский рабочий. 1992. 5 июня.

103 Я. Мамедов с возмущением говорит: «Приступили к сортировке наций по принципу русскоязычной и азербайджаноязычной интеллигенции» (Бакинский рабочий. 1992. 21 апр.).

104 Зеркало. 1992. № 11. С. 5.

105 Прошлое в контексте будущего: Интервью Р. Мехтиева // Бакинский рабочий. 1992. 7 апр.

106 Недоумение по поводу мотивов этого решения выражал даже такой осведомлённый человек, как Х. Гаджизаде, ставший затем постпредом Азербайджана в России, видный народнофронтовец. См.: Гаджизаде Х. Выборы, выборы, выборы (очередной трюк номенклатуры или конец авторитарной эры?) // Свобода. 1992. 23 апр. № 13(29).

107 Во время обсуждения сроков будущих выборов в парламенте выступал А. Эльчибей, говоривший о необходимости не нового президента, а системы, основанной на разделении властей и контроле над президентской властью. Тогда он произносит следующие слова, звучащие совершенно пророчески: «Сейчас вы хотите избрать нового президента. Но президент, которого вы изберёте... будет свергнут через год» (Goltz T. Op. cit. P. 146).

108 Я верю в независимый Азербайджан: Интервью Н. Сулейманова // Бакинский рабочий. 1992. 6 мая. С. 2. Те же обещания содержались и в других его выступлениях. См.: Вышка. 1992. 3 мая. С. 3.

109 Томас Гольц пишет об его связях с Г. Алиевым. См.: Goltz T. Op. cit. P. 226.

110 Опросы этого времени показывают значительный «отрыв» А. Эльчибея от других кандидатов. По данным одного опроса, за Эльчибея было 35,5 процентов, за Г. Алиева — 28, за Э. Мамедова — 15, за Я. Мамедова — 3,81, другой опрос показал 50,1 за А. Эльчибея, 20,8 за Э. Мамедова, 16,2 за Я. Мамедова (в этом опросе Г. Алиев не фигурировал). См.: Свобода. 1992. 23 апр. № 13(29). Еще один опрос показал, что среди бакинцев за Эльчибея — 48,65 процента азербайджанцев и 29,4 русских, за Я. Мамедова — 7,8 и 18,8, за Г. Алиева — 15,5 и 17,6. См.: Зеркало. 1992. № 18.

111 Goltz T. Op. cit. P. 187.

112 Ibid. P. 188.

113 Президент вернулся // Бакинский рабочий. 1992. 15 мая. См. также: Вышка. 1992. 17 мая.

114 В тактическом отношении операция, очевидно, была прекрасно продумана И. Гамидовым. Муталибов больше всего боялся штурма президентского дворца, вроде бы — естественной цели восставших. Поэтому там была сильная вооружённая охрана. И. Гамидов также создавал иллюзию, что цель — дворец. Между тем в последний момент восставшие пошли на парламент, который охранялся слабо. Но после известия о взятии парламента нервы и у охраны, и у Муталибова не выдержали.

115 Оппозиция, прежде всего, естественно, проигравший Н. Сулейманов, утверждала, что уже захватившие к этому времени исполнительную власть на местах народнофронтовцы фальсифицировали выборы. Н. Сулейманов даже говорил, что реально он получил 80 процентов голосов (Зеркало. 1993. 26 янв. С. 1). Это утверждение, как и другие его утверждения, принимать всерьёз, разумеется, нельзя, и очевидно, в основном выборы были честные и сам процент голосов, полученных Эльчибеем, разочаровавший, насколько мне известно, лидеров НФА, говорит в пользу этого. Но то, что местные руководители НФА могли кое-где использовать и нечестные приемы, вполне возможно.

116 Бакинский рабочий. 1992. 16 июня.

117 Биографии этих людей см. в газете «Бакинский рабочий» от 19 мая 1992 года.

118 Своего рода «классовый отбор», совершавшийся в народнофронтовской верхушке, виден в политической судьбе одного из видных деятелей НФА. Т. Караева. Т. Караев, доцент БГУ, с 1978 года — заместитель декана юридического факультета (см.: Бакинский рабочий. 1992. 2 июня) — один из немногих народнофротовцев — выходец из номенклатурной семьи. Его отец — крупный партработник. Очень интеллигентный человек с хорошими манерами, он становится естественным лидером фракции «Независимый Азербайджан» в Верховном Совете и, похоже, устанавливает «рабочие» отношения с А. Муталибовым и муталибовской верхушкой. Но, очевидно, в НФА его недолюбливают (именно за те качества, которые делали его приемлемым для Муталибова), и после падения Ходжалы начинаются разговоры о том, что он — один из виновников, проявивших преступную халатность. Но ему, очевидно, и самому не очень легко среди «плебеев» НФА. Он создает свою партию «Догру йол» («Верный путь») и хотя не порывает с НФА, говорит о нем так: «Реальность сегодня такова, что НФА постепенно перерождается в единую партию, оставаясь верным своей разрушительной тактике» (Бакинский рабочий. 1992. 28 апр.). Постепенно он всё более и более отходит в оппозицию.

119 Так, он давал интервью после разоружения в лесу под Хызы отряда, попытавшегося захватить власть в Хызах, руководителю «Товбе» Гаджи Абдулу. См.: Бакинский рабочий. 1992. 12 сент.

120 О том, какие группировки стали становиться у власти на местах под флагом НФА, дает представление статья в «Бакинском рабочем», в которой рассказывается про нового главу исполнительной власти в Таузе С. Панахова, который

сразу же без объяснений стал снимать с работы и прогонять из квартир не таузцев, посадив в руководящие кресла своих родственников. К корреспонденту «Бакинского рабочего» тоже пришли люди С. Панахова с автоматами и сказали: «Старую власть похоронили. Сейчас здесь мы — власть. Мы уже освободили пять квартир, твоя — шестая». С. Панахов говорил: «Дайте срок — и мы очистим район от всех пришельцев» — и сам, своей волей, ввёл в Таузе комендантский час. См.: Фараджев М. Тауз только для таузцев? // Бакинский рабочий. 1992. 11 сент. В конце 1992 — начале 1993 года такие столкновения местных группировок прокатились по всему Азербайджану. В Джалилабаде была попытка силой прогнать главу исполнительной власти Т. Нуриева, который не ленкоранец по происхождению и сильно затронул интересы ленкоранских правящих кланов, сняв 17 руководителей хозяйств и заведя на 5 из них уголовные дела. См.: Джаннаров Э. Джалилабад: глазами очевидца // Бакинский рабочий. 1993. 2 февр. Борьба в Нахичевани, где в октябре 1992 года, после того как Г. Алиев избавился от народнофронтовцев, занявших руководящие посты и проворовавшихся, местный НФА попытался произвести вооружённый переворот (со всеми полагающимися атрибутами — захватом телевидения и здания МВД, стрельбой), также, очевидно, имела клановую подоплёку. См.: Бакинский рабочий. 1992. 28 окт.

121 И. Гамидов говорил: «У нас нет национальной буржуазии. Деньги награблены людьми, наделенными властью, коррумпированными до мозга костей». См.: Бакинский рабочий. 1992. 12 сент.

122 См.: Расимзаде А. Ш. Первые сто дней правления Народного Фронта // Вышка. 1992. 5 авг. С. 3.

123 В это время происходит массовое изменение фамилий — русское окончание «ов» отбрасывается или заменяется азербайджанскими «оглы», «лы», «заде». Иса Гамбаров, например, становится Исой Гамбаром, Неймат Панахов — Панахлы и т. д.

124 Бакинский рабочий. 1992. 30 июня; Свобода. 1992. 19 июня. № 21(37).

125 Свобода. 1992. 19 июня. № 21(37).

126 О стиле, в котором НФА говорит о среднеазиатских режимах, дает представление и заявление Исполкома НФА в связи с покушением на лидера узбекского «Бирлика» А. Пулатова: «Это покушение — одна из составных частей политики, проводимой реакционными силами во главе с Президентом Узбекистана Исламом Каримовым, стремящимся любыми средствами сохранить в Узбекистане коммунистический режим и потопить в крови национально-демократическое движение». См.: Бакинский рабочий. 1992. 7 июля.

127 Вышка. 1992. 12 нояб.

128 И даже не только такие люди. Вообще романтизация Турции при усилении контактов с ней не могла не вести, как любая романтизация, к разочарованию. В этом отношении очень интересно интервью долго проработавшего в Турции известного писателя Анара: «Турция — это действительно прекрасная страна, прекрасный народ. Но вот её общественная жизнь, она как-то повернута больше лицом на Запад». Он — в явной обиде на недостаточно интересующихся Азербайджаном турок. И приехал из Турции с убеждением, что созданная

за годы советской власти азербайджанская культура — выше, чем культура любой мусульманской страны (Вышка. 1993. 10 июля).

129 «...Не изменился ни режим, ни строй... К власти пришли авторитарно мыслящие люди. Их основная цель — занять высокие должности» (Зеркало. 1992. № 29. С. 5).

130 «Мы боролись не за то, чтобы привести к власти людей, которые заменят коммунистов и продолжат политику коммунистического тоталитаризма» (Зеркало. 1992. № 29(164)).

131 См.: Этибар Великолепный: Интервью с лидером оппозиции в Азербайджане Э. Мамедовым // Зеркало. 1993. № 3(76).

132 Бакинский рабочий. 1992. 8 июля.

133 Зеркало. 1992. № 79.

134 См. беседу с подавшим в знак протеста в отставку заместителем председателя Таможенного комитета Э. Ахмедовым, который рассказывает о том, как таможни стали заполняться бакинскими лаборантами и подобными представителями интеллигентских низов — народнофронтовцами и родственниками народнофронтовцев (Вышка. 1993. 15 мая). О громадных масштабах воровства госсекретаря и затем — последнего народнофронтовского премьер-министра П. Гусейнова и его стиле жизни в этот период (он разъезжал в белом «мерседесе») см.: Goltz T. Op. cit. P. 280—282. После победы гусейновского путча и прихода к власти Г. Алиева он был обвинён во взяточничестве и продаже должностей. См. интервью с бывшим заместителем министра внутренних дел Азербайджана Г. Пашаевым (Рабочая трибуна. 1993. 11 сент.).

135 Как у многих не очень культурных людей, оказывающихся вдруг во властных позициях и завоевавших большую популярность, в психике Гамидова явно возникли какие-то патологические явления. Так, он стал утверждать, что Азербайджан имеет ракеты с ядерными боеголовками. См.: Goltz T. Op. cit. P. 261. Нечто подобное утверждал и чеченский президент Дудаев.

136 Тут необходимо одно пояснение. Почему бизнесмены становятся видными командирами армии? Потому что проблемы ведения войны в Азербайджане в тот период — это прежде всего проблемы снабжения: вооружением, довольствием, покупкой русских специалистов. И дельцы, способные наладить хорошие связи с российскими военными и на свои деньги вооружить людей (С. Гусейнов сам вооружил свой собственный отряд), реально могли сделать для армии едва ли не больше, чем профессионалы, офицеры Советской Армии, которым, тем более народнофронтовцы, не доверяли. См. интервью с генералом В. Барщатлы, бывшим во время успешного наступления азербайджанцев летом 1992 года начальником генерального штаба, который не мог вынести системы «партийно-кланового» снабжения и ушел с поста (Вышка. 1993. 15 мая).

137 Зеркало. 1993. № 46(219). Был арестован также русский офицер на службе азербайджанской армии В. Мудрак. Очевидно, эти аресты затронули очень мощную мафиозную сеть, потому что одновременно с ними произошло таинственное убийство в подъезде его дома контр-адмирала Э. Гусейнова. См.: Вышка. 1993. 27 апр.

138 Когда к власти пришел Г. Алиев, Б. Назарли был, естественно, выпущен. В интервью, которое он дал после этого, он заявил, что деньги были, опять-таки, естественно, не его, а предназначенные для покупки оружия у русских. «Следователи (речь идет об азербайджанских следователях) требовали назвать конкретных лиц, у которых покупалось оружие. Но я отказался ответить, так как считал, что не вправе раскрыть имена высокопоставленных лиц российской армии, которые сделали хорошее для нас» (Зеркало. 1993. 8 июля. С. 1).

139 Война для многих — средство самовозвеличения: Интервью А. Эльчибея // Независимая газета. 1993. 5 марта.

140 Выборы должны были основываться на сочетании мажоритарной и пропорциональной систем. Из 121 депутата 60 должны были быть избраны по партийным спискам, 61 — простым большинством в одномандатных округах (Зеркало. 1993. № 12(185)).

141 См. его интервью: Известия. 1993. 26 июня.

# СПИСОК АВТОРОВ

1. **Абасов Али**, доктор философских наук, профессор, директор Института философии, социологии и права Академии наук Азербайджана, Баку.
2. **Али-заде Зардушт**, кандидат исторических наук, сопредседатель Социал-Демократической Партии Азербайджана, главный редактор газеты «Истиглал» («Независимость»).
3. **Аух Ева-Мария**, ассистент Гейдельбергского университета, Гейдельберг, Германия.
4. **Бадалов Рахман**, доктор философских наук, профессор, Баку.
5. **Гусейнова Ирада**, журналист, журнал «Монитор», Баку.
6. **Джуварлы Тогрул**, аналитик Информационного центра «Туран», Баку.
7. **Ибадоглы Губад**, кандидат экономических наук, Баку.
8. **Корнелл Сванте**, преподаватель отделения конфликтологии и восточноевропейских исследований университета г. Уппсалы, Уппсала, Швеция.
9. **Кулиев Гасан**, доктор философских наук, профессор, Баку.
10. **Мотика Раул**, ассистент Гейдельбергского университета, Германия.
11. **Мурсалиев, Азер**, журналист, газета «Коммерсантъ», Москва.
12. **Мусабеков Расим**, кандидат исторических наук, Баку.
13. **Свентоховский Тадеуш**, профессор Университета Коламбия, Нью-Йорк, США.
14. **Смит Майкл**, преподаватель Джорджтаунского университета, Джорджтаун, США.
15. **Фурман Дмитрий**, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института Европы РАН, Москва.
16. **Шерматова Санобар**, журналист, газета «Московские Новости», Москва.

# СОДЕРЖАНИЕ

**Азербайджан и Россия: общества и государства**

*Сборник статей*

Редактор-составитель Д. Е. Фурман

Редактор *С. М. Наджафова*
Технический редактор *А. Ю. Зубков*
Корректоры *С. М. Хорошкина, С. И. Зубкова*
Оформление обложки *M. Verte*

Подписано в печать 25.02.2001. Формат 60х90/16. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 31. Тираж 1300 экз. Зак. № 772.

ЗАО ИТД «Летний сад». 121069, Москва, Б. Никитская, 46.
Издательская лицензия ИД 03439 от 5.12.2000 г.

Отпечатано в ПФ «Полиграфист»
160001, Вологда, ул. Челюскинцев, 3

9 785943 810251